

A movie poster for the film 'Я и оборотень' (Me and the Werewolf). The poster features a young woman with long, wavy brown hair, looking off to the side with a concerned expression. She is holding a small, brown, furry creature (a cub) against her chest. To her left, a large brown bear is visible. The background is a misty, forested area with a large, ethereal, white, smoke-like figure in the background. The title 'Я и оборотень' is written in large, white, serif letters at the bottom. The name 'НАДЕЖДА ВОЛГИНА' is written in white, serif letters at the top. A circular rating badge with '18+' is in the bottom right corner.

НАДЕЖДА ВОЛГИНА

Я И
ОБОРОТЕНЬ

18+

Надежда Волгина

Я и оборотень

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Волгина Н.

Я и оборотень / Н. Волгина — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Могла ли я подумать, что прячась от человеческих глаз, не смогу утаиться от зверя! И жизнь моя из спокойной и размеренной превратится в наполненную страстью и противостоянием. Он захочет меня подчинить, но разве можно вести себя так с туманной ведьмой? Что ж, посмотрим, кто кого... "Я и оборотень" - третья и заключительная книга цикла "Медведи-оборотни". "Дикарь" - первая книга. "Оборотень моей мечты" - вторая книга. Все книги цикла могут читаться как самостоятельные произведения. В оформлении обложки использованы фотографии с сайта shutterstock.

© Волгина Н., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	35
Глава 10	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1

– Рит! Выручай! Там опять этот пришел!..

Я вынырнула из холодильника, растирая оковеневшие даже в перчатках руки.

– Какой этот, Маш? – спать хотелось жутко. Никак не получалось вникнуть в то, что говорит мне кассир.

– Ну тот... что приходит раз в неделю и берет бутылку бренди...

– И что?

– А то, что я боюсь его, ты же знаешь! – с конопатого лица Маши на меня смотрели совершенно круглые и возмущенные глаза. – Он на колдуна похож и злющий такой. Вдруг порчу наведет.

– Маш, ну какую порчу, – зевнула я так, что едва не вывихнула челюсть. – Ладно, раз я на кассу, ты тогда снимешь просрочку. Идет?

– Да с радостью!

Конечно! С радостью... Поснимала бы она ее с мое, каждую смену, в одно и то же время – перед полуночью, наверное, заговорила бы по-другому. Но таков удел начальника смены, кем я и являлась, работая два дня через два и после восьми вечера, когда из трех кассиров оставался один, выполняя обязанности и свои, и продавцов, и даже работника гастронома. Ладно хоть секьюрити оставался с нами до конца смены. Вернее, оставалась. В охране у нас работали такие же молодые девчонки, как и мы с Машей, и в обязанности их входило следить за камерами, в особенности за залом с элитным спиртным, который тырили чаще всего. Какой охранник из девчонки, особенно поздно вечером, когда в магазине покупателей толком нет, и из работников я, Маша, да Катя – та самая секьюрити?

Я посмотрела на часы – без пяти десять. Ровно пять минут есть, чтоб пробить спиртное. В десять вступает в силу запрет на его продажу, и кассы автоматически блокирует. Хорошо если удастся убедить покупателей мирным путем расстаться с заветной бутылкой, вернуть ее на полку. Попадаются и буйные, особенно пьяные. Вот в такие моменты даже мне становится страшно.

Забежав за кассу, я протянула руку и буквально выхватила у покупателя бутылку Red Label. Пробила ее и только потом посмотрела в темно-серые, как грозовое небо, глаза и назвала сумму. Хотя, чего ее называть, если он и так прекрасно знает. Каждую неделю он приходит в наш магазин исключительно за шотландским бренди.

Вообще, Маша не зря его боялась. Недобрый был взгляд у этого мужика. Сколько ему лет? Навскидку не больше сорока. Не парень, но еще и не дядька. Да и такого рослого качка язык бы не повернулся назвать дядькой. Отчего же он тогда зол, как черт, все время, словно в мире не осталось ни единого человека, который не бесил бы его? Если бы не печать суровости, приросшая к его лицу, то, наверное, его можно было бы назвать даже симпатичным. Не в классическом смысле слова, а в мужественном его понимании. Только вот эти плотно сжатые губы, делающие скулы еще шире, упрямый подбородок и главное глаза... Брр, да у меня от его взгляда мороз по коже бежит!

И конечно же, спасибо я не дождалась. Ну правильно, кто я такая? Так, продавщица в не самом проходимом магазине сети «Кадриль». Да и бог с ним. Кажется, в следующий его приход будет не моя смена, – прикинула я.

Сегодня была суббота, а это значило, что смена моя уже длилась одиннадцать часов. По будням начальники смены (а нас таких было две) работали с часу, а по выходным с одиннадцати часов, но всегда до часу ночи, когда закрывался магазин. Так что, мне оставалось еще три часа, когда можно будет отправляться домой. И наконец-то, можно выспаться, потому что завтра на работу выходила сменщица.

Три часа пролетели как один миг, и ровно в час мы выходили уже втроем из магазина, сдав его под охрану.

Вот скажите мне, кто прокладывает федеральную трассу прямо через поселок? Вот и я не знаю. Но в нашем замухранске дело обстояло именно так – пополам его делила трасса. И пусть ночью машин было мало, но все равно переходить ее было страшновато, в кромешной тьме. А днем тут так и вовсе автомобили сновали туда-сюда, а то и пробки выстраивались, потому что сразу за нашим поселком шел раздолбанный железнодорожный переезд, через который машины не ехали, а переползали. Отсюда и пробки. В городе работников сети «Кадриль» развозили по домам корпоративные такси. А у нас и такси-то не было. А в городе не было работы. Эх...

– Ладно, девчонки, пока, – махнула нам Катя и отправилась к своему дому, что стоял прямо возле дороги и напротив магазина.

Мы с Машей с тоской во взгляде проводили нашу охранницу и ступили на узкую тропу, ведущую вглубь поселка. А еще метров через сто я осталась одна – Маша свернула в свой переулок. Мой же дом находился на окраине поселка.

Должна сказать, что репутация у нашего поселка была не очень. Уж больно пьющими считались местные мужики. Вот и пиво в магазине считалось самым ходовым товаром. Бывает разольешь его столько за смену, что аж мутит под конец. И на руках мозоли до ран – столько пробок понавертишь. Так еще и залетные компании заносило к нам, из города. Частенько вспыхивали драки, даже с поножовщиной. Но меня бог миловал пока. Да и любила я ночи, особенно летние, такие как эта. Вот ведь вроде темно. А если я задержусь на крылечке, замечтаюсь о чем-нибудь, то увижу, как загорается горизонт, как раскрашивает его восходящее солнце. В июне уже в начале четвертого начинало светлеть. Этот месяц я нежно любила и ценила каждый прожитый день.

– Мужики, какая соска к нам пожаловала!..

Ну вот, кажется, накаркала. Стоило только свернуть у последнего дома, за которым началось поле, а за ним лес, как я наткнулась на пьяную компанию. И как я издалека их не услышала? Или они уже настолько упились, что находятся в полудреме? Точно не все... Один поднялся с корточек и пошатываясь направился ко мне. Я же размышляла, смогу ли убежать, если вдруг рвану в противоположную сторону. Но и такую возможность я упустила – пьяный и явно неместный подошел ко мне вплотную.

– Гляди-ка, не трясется и не скулит, – хохотнул он, пахнув в лицо перегаром. – Значит, договоримся полюбовно...

– С дороги уйди! – проговорила я, чувствуя как пальцы начинает покалывать.

Конское ржание послужило мне ответом.

– Мужики, я первый, без обид!.. – гаркнула пьянь, чьего лица я даже рассмотреть не могла, и схватил меня за грудки.

Я приготовилась защищаться. Голова слегка закружилась, но тело напротив напряглось. Пальцы сжались в кулаки, а с языка практически сорвались первые заклинания. И тут воздух прорезало утробное рычание. Настолько оно мне показалось ужасным, что я уже представила себе страшного зверя, что сейчас нападет на нас и разорвет в клочья. Даже волосы на голове зашевелились. А рычание повторилось и гораздо ближе.

Те, что сидели возле забора, подскочили, вмиг протрезвев, наверное, и рванули врассыпную. Они бежали, падали, вставали и продолжали бежать. Я же словно приросла к земле. А вместе со мной и горе насильник.

– Беги, дурак! – толкнула я его в грудь, да так сильно, что опрокинула на землю.

И тут же из кустов метнулась огромная тень и нависла над парнем. Он заорал как резанный, когда над лицом его распахнулась клыкастая пасть, откуда вновь вырвался угрожающий

рык. Дурака надо было спасать, пока этот медведь не загрыз его на моих глазах. О себе я в этот момент не думала.

– Сомнор, сомнор, сомнор, – произнесла я и резко вскинула руку. Медведь скатился в сторону, я же заорала дурным голосом: – Беги!

Повторять не пришлось – парень подскочил и рванул так быстро, что было бы посветлее, увидели бы как сверкают его пятки... А зверь уже вновь встал на лапы, и я отчетливо разглядела, как светятся его желтые глаза в темноте. Я замерла, готовая произнести следующее заклинание. Убивать медведя не хотела и боялась покалечить. Но тут либо я, либо меня... Только вот зверь продолжал вести себя странно – не двигался, рассматривая меня, и мне чудилось, что в глазах его я вижу далеко не звериный ум. А потом он и вовсе развернулся и поковылял в лес. Что же получается? Это он меня что ли защищал?

Как добралась до дома, запомнила плохо. Скорее машинально. Всю дорогу я вспоминала глаза медведя, и было в них что-то знакомое, но что, вспомнить не могла.

Во дворе, заперев предварительно калитку, я опустила руки в чан с водой. Горели они нестерпимо, да и всю меня колотил озноб. Позднее зажигание, – усмехнулась, когда пожар в руках начал потихоньку остывать. И лишь когда к ним вернулась чувствительность, я смогла зайти в дом. Сил хватило только на то, чтоб умыться и раздеться. Усталость валила с ног, я даже до кровати дошла с трудом.

Что же это было такое? Как ни странно, но уснула я не сразу, а какое-то время еще видела мысленным взором странного медведя, который появился как раз тогда, когда мне понадобилась помощь. Вернее, так думал он, но от этого не казался менее странным. Бывают ли настолько умные и галантные медведи? Эта мысль меня насмешила, и засыпала я, тихонько хихикая.

Глава 2

Биологические часы не подвели – проснулась я с первыми лучами солнца, хоть и проспала совсем ничего. Привычка, выработанная годами, сработала как хорошо отлаженный механизм.

– Лишь солнца луч скользнет по земле, и ты должна их собрать как можно больше. Старайся не упустить такую возможность, чтоб не давать туману завладеть твоей душой. Особенно летом, когда светило жаркое и дарящее... Копи его резервы к зиме, когда хмуришь дождем над миром...

Так внушала мне бабушка с раннего детства, на ее науках и выросла.

В эти утренние часы поселок уже пробуждался от сна. Как оголтелые горланили петухи в соседних дворах, и куры им всячески подквохчивали, где-то промычала корова – протяжно так, низко... Для тех, кто живет на земле, нет разницы, будний день или выходной, все одно вставать спозаранку.

Обуваться я не стала, так и вышла из дома босая, с наслаждением ощущая, как не отошедшая от ночи земля остужает ступни.

– Земля – она живая. Любить ее нужно и беречь. А нам от нее особая польза бывает. Вот занеможешь ты ежеси, ляг на нее, попроси о помощи. И заберет она твою хворь...

Бабушка и мне привила любовь к земле, как к чему-то вечному и жизнь дающему.

Ноги утопали в утренней росе, пока я пересекала поле к заветной лоштинке, что нашла для меня бабушка давным-давно, когда я еще была совсем крохой, и мы только приехали в поселок. Утренний ветерок охлаждал кожу, но я знала, что совсем скоро ласковое солнце согреет воздух, и от прохлады на останется и следа. А пока можно было понаслаждаться ее свежестью, пусть порой кожа и становилась гусиной.

Своей лоштинкой я называла довольно глубокую яму. Уж не знаю, откуда она взялась у кромки леса и там где заканчивалось поле, но место это отлично хоронилось от посторонних глаз. Никто не забредал сюда в такую рань, кроме меня. Я же в теплую солнечную погоду бегала сюда каждый день.

Яма заросла мхом, но в эти часы его скрывал густой туман. Роса делала мох скользким, и я скатилась по нему на ногах, как привыкла делать, не опасаясь, что там, на дне может быть что-то, обо что поранюсь. Когда туман скрыл и меня с головой, я скинула платье и повернулась в ту сторону, откуда светило солнце, но которое пока еще не добралось сюда.

Ждать пришлось совсем не долго, когда первые робкие лучи скользнули по белой клубящейся поверхности, проникая внутрь, высушивая влагу. Теплыми зайчиками они коснулись моей обнаженной кожи, прошлись по лицу, заставляя зажмуриться. И с каждой секундой их становилось все больше.

Эти утренние минуты, когда солнце прогоняло из ямы туман, я считала наполненными особым волшебством, понятным мне одной. Вот ведь еще только что мне было зябко и сыро, как уже я укутана тончайшим покрывалом, сотканным солнцем. Его нити проникают под кожу, заставляя ее светиться. Моя собственная энергия с благодарностью принимает дар, деля его между всеми клеточками, не забывая ни об одной. В такие моменты всегда хочется крикнуть, да погромче, или запеть... Но тишина – спутник волшебства, и нарушать ее нельзя. Как и нельзя шевелиться. И пусть тело затекает от неподвижности, но я-то знаю, насколько становлюсь сильнее и выносливее.

Когда мох под моими ногами высушило солнце, я поняла, что пора уходить. Стоило только нагнуться за платьем, как предчувствия кольнули душу. Я отчетливо ощутила на себе чей-то взгляд и поспешно схватила платье, прикрываясь им спереди. С одной стороны было поле, и оно пустовало. А вот лес темнел с другой, и именно оттуда на меня кто-то пристально смотрел. Этот взгляд мне показался знакомым. Память тут же нарисовала перед внутренним взором силуэт ночного медведя. Я втянула носом воздух и явственно ощутила запах зверя – хищный, опасный. Только вот как долго он прячется, наблюдая, не знала. Во время ритуала все чувства я отключала для чистоты насыщения энергией.

Меня переполняла досада. Почему не сдержалась, не сделала вид, что не происходит ничего необычного? Теперь уже поздно... Да и руки мои подрагивали, пока натягивала платье. А потом и ноги соскальзывали из хорошо знакомых ямочек, когда выбиралась из ямы. И спиной я чувствовала жадный взгляд. Он скользил по затылку, осязаемо проходил меж лопаток, спускался к ягодицам, ногам... Дико хотелось оглянуться, чего нельзя было делать ни в коем случае. И все же я не выдержала. Когда миновала поле, резко повернулась. Он стоял у самой ямы и смотрел на меня. Вчера я не разглядела зверя как следует. А теперь, даже с такого расстояния видела, как тот огромен и силен. Бурый медведь со странными белыми вкраплениями. Разве такие встречаются в природе? Но вот же он – прямое тому подтверждение. И этот взгляд... звери так не смотрят, в его глазах светится человеческий разум.

Свою историю, корнями уходящую вглубь веков, я знала хорошо. Бабушка очень много рассказывала, а я все время заслушивалась и все себе так ярко представляла, как будто была очевидицей всех тех событий...

Есть такое место на земле, где не бывает зимы. Утром там царят туманы, а днем палит солнце. Когда светило уходит на покой, его снова сменяет туман, а может, это он прогоняет солнце, то мне неизвестно. Место это так и называется – Туманный остров. Со всех сторон его окружает вода, потому что находится он посреди бескрайнего моря. А туман скрывает его от посторонних глаз, как и морок отводит путешественников в сторону, внушая мысль, что туман хранит в себе опасность.

Природа острова так щедра к тем, кто населяет его, что дает все необходимое для жизни. А люди, что живут на этом острове, называются людьми тумана. И они не совсем люди. Во всех них течет кровь туманной ведьмы – прародительницы, что жила давным-давно и уже много веков, как схоронена на дне моря. Но в центре острова воздвигнут алтарь, куда жители приносят дары – в знак благодарности великой ведьме, что наделила их силой.

Раз в поколение в каждой семье на Туманном острове рождается туманная ведьма. Но только одна. Остальные дети лишены дара, она же наделена им сверх меры. Чего только не под силу этой ведьме. Парить в небе и заставлять землю волноваться что море, напускать морок и становиться невидимой, внушать ужас или сражать великой любовью, умерщвлять на месте и исцелять тех, что при смерти... Ведьма эта так сильна, что с детства ей приходится учиться контролировать свою силу и творить при помощи нее исключительно добро. Ведь не для кого не секрет, что власть над людьми порой рождает в душах далеко не человеколюбивые порывы.

В каждой семье на этом острове есть глава, и именно ему становится известно, когда должна появиться на свет туманная ведьма. Ему сообщает об этом луна в ночь, когда она полная. А на следующее утро его жена отправляется на маленьком кораблике на большую землю, чтобы найти того, от кого она зачнет ведьму. Только с приливом свежей крови это и возможно. Долго она может жить среди обычных людей, пока та же луна не укажет ей на нужного мужчину. Бывало даже, что проходило больше года, и жена возвращалась домой с зарождением ведьмовского плода во чреве. И через девять месяцев на свет появлялась туманная ведьма.

Так все и было... пока роковая случайность не превратила остров в проклятый и необитаемый. И произошло это во времена великой инквизиции.

Так случилось, что зачать туманную ведьму должна была женщина, тоже наделенная этим даром. Она-то и попала в лапы инквизитора. А дальше все происходило стремительно. Инквизитор этот собрал соратников со всех стран. Их было так много, когда напали они на остров ранним туманным утром, что даже сила ведьм не смогла остановить натиск. Много людей тогда опустились на дно моря. Спасти удалось небольшой группе и прапрабабушке моей в том числе. Бежала она с острова с крошечной моей прабабушкой на руках. А одна из выживших ведьм прокляла остров, чтоб не доставался он больше никому. Проклятие ее сгубило и тех инквизиторов, что оставались на острове. Но главный злодей выжил, бросившись в погоню за людьми тумана. Только протянул он не долго – ведьмы расправились с ним по-своему, и об этом история умалчивает.

Но и на большой земле выжившие люди тумана вынуждены были скрываться от преследования инквизиции. Единственный выход был – затеряться по всему миру, разбрестись кто куда и затаиться. Туго пришлось моей прапрабабушке, потерявшей в неравной схватке, рожденной чужим коварством, всех родных, кроме дочери. Но она выжила. И вырастила дочь. А когда та испустила дух, даря жизнь бабушке, то и ей заменила мать.

Бабушка подросла и тоже родила ведьму. Только вот и ее дочь скончалась, когда я появилась на свет. И тогда бабушка поняла, что проклятье ведьмы легло и на выживших – через поколение женщины умирали в родах. Догадки ее подтвердили духи умерших, которых она призывала на священный совет.

Бабушка меня всему и научила. Только тяжелая жизнь забрала ее от меня раньше времени. Но главную науку я усвоила хорошо – скрывай свой дар от глаз и умов человеческих, прячь свою силу так глубоко, как только можешь, а иначе обязательно найдется тот, кто захочет с тобой поквитаться. И ни при каких обстоятельства не допускай связи, после которой можешь понести. На мне род туманных ведьм должен был закончить свое существование в нашей ветке. Это уже решила я сама, и ничто не могло заставить меня поменять принятого решения.

В этом селе я не родилась, но выросла. Мы с бабушкой переехали сюда из города, когда мне исполнилось шесть лет. В школу я уже ходила местную. К тому моменту, как закончила школу, бабушка заболела и слегла. А вскоре и померла. Я же делала карьеру в местном супермаркете, где уже работала четвертый год. Речи о том, чтобы продолжить образование, как-то не стояло с самого начала. В этом мы с бабушкой сошлись и молчаливо. Знаю, что ею двигала любовь и страх за меня. Я же не хотела покидать единственного родного человека. А потом уже и не смогла, даже если бы захотела.

И вот сегодня утром, а вернее, ночью о моем даре стало известно живому существу. В то, что это был обычный медведь, я не верила. Впрочем, и про перевертышей я тоже разве что читала в книгах. И любопытство мое граничило со страхом. А самое главное, я не знала, как поступить дальше, и будет ли этот медведь меня преследовать.

Глава 3

Ветер свистел в ушах, сметая все посторонние звуки и запахи. Он мчался вперед, практически не разбирая дороги, во власти звериных инстинктов. Если на пути встречался валежник, то и ему доставалось от сильных лап и когтей – под натиском зверя и аккомпанементом грозного рычания тот разлетался в стороны, освобождая путь. Злость, рожденная бессилием, и еще чем-то, чему он не находил объяснения, сводила с ума, лишала покоя, к которому одному он и стремился уже долгое время.

Что сегодня разбудило его спозаранку и погнало из леса? И это же чувство мешало спать.

Лес начал редеть, медведь же, напротив, принялся притормаживать, пока бег его не замедлился до шага, а потом зверь и вовсе замер, тяжело дыша и высунув язык. Впереди уже маячила поляна, что пряталась в лесной глуши от посторонних глаз, и где жили те, что приютили его. Голодного и одичавшего, почти забывшего, как это – быть человеком.

Гордей обернулся и прислонился лбом к дереву. Пальцы сами сжались в кулак, и один из них с силой ударил о шершавый ствол. Боль прострелила конечность, и на костяшках выступила кровь, но Гордей на это даже не обратил внимания. Что-то творилось в его душе, и объяснения этому он не находил. Образ обнаженной девушки, залитой солнцем, неотступно преследовал его. Стоило только закрыть глаза, как он снова оказывался там, у кромки поля, рядом с той, что вытягивала руки к солнцу, словно пыталась взмыть в воздух, чтобы коснуться раскаленного диска.

Дверь в дом распахнулась, и на крыльцо вышла молодая женщина. Она потянулась, легко соскочила с крыльца, обернулась и умчалась в лес. Лиля... Хорошая она баба, цельная. Гордей ей сразу приглянулся, как только появился здесь. И нередко она согревала его постель бессонными ночами. Ничего не просила взамен, просто дарила себя, когда ему это было необходимо.

Уже прошел год, как его изгнали из клана, и он прибил к горстке отшельников, поселившихся в лесной глуши, добровольно ушедших подальше от людей. Все, что было нужно для жизни, они выращивали и добывали сами, не выходя в город. Возделывали огромный огород за домом, заготавливали мясо на зиму... Речушка, опять же, протекала неподалеку. Их выбор Гордей уважал, но сам так не мог жить. Его тянуло к людям, и раз в неделю он покидал жилище, выбирался из лесу просто для того, чтобы не одичать еще сильнее. Вон, даже в клане отшельников его побаивались и сторонились, хоть и уважали его силу. Одна Лиля и испытывала симпатию. Хотя, ей, как и ему, порой требовалось удовлетворение естественных потребностей, от которых отказаться было труднее, чем от людей.

Что же изменилось вчера? Эту девчущку он увидел не впервые. Часто наблюдал, как она носится по магазину, стараясь везде поспеть. Худенькая, юркая, с растрепанными волосами. Совсем еще ребенок с голосом командира. Даже сейчас, вспоминая, Гордей поймал себя на том, что улыбается. А в магазине, так и вовсе, хотелось подойти к ней, погладить по голове и похвалить, что отлично справляется с работой.

Вчера он не спешил возвращаться в лес. Сам не понимал, что именно заставило его задержаться в поселке. Какое-то чувство помешало... Эту подвыпившую компанию он тоже заметил, но прошел, как мимо пустого места. А вот у леса остановился и принялся ждать, сам не зная чего.

Когда появилась девчущка, он сразу уловил опасность, исходящую от парней, и рванул обратно. Приступ ужаса обуял Гордея, что что-то с ней может случиться. В тот момент он готов был задрать любого на месте, если посмеет прикоснуться к ней хоть пальцем. И когда он, не контролируя себя, намеревался вцепиться в глотку одному из них, настолько мощная сила откинула его в сторону, заставив перевернуться несколько раз, что понадобилось время, чтобы прийти в себя. Неожданность лишила его осторожности, и он не спрятался, остался

смотреть на ту, что источала сейчас незнакомую магию. А уж в чем-чем, но в магии Гордей разбирался. Но эта была чужая и очень сильная.

Как она смотрела на него – без тени страха, гордо выпрямив спину. Словно предупреждала, чтоб даже не вздумал приблизиться. А он, если и хотел это сделать, то уж точно не для того, чтобы навредить. Его тянуло к ней, приходилось бороться с желанием обнюхать, узнать поближе. И это чувство тоже было новым, незнакомым.

А сегодня утром... он не сразу узнал в обнаженной женщине ту самую девчушку. Если бы не уловил чужую магию. Ее тело, с идеальными пропорциями и соблазнительными изгибами, заставляло смотреть на него не отрываясь. Сердце билось как ненормальное, а во рту пересохло. В паху пульсировало до боли от крайнего возбуждения. Она вела себя так естественно, и эта естественность возбуждала еще сильнее. Гордей еле контролировал себя, чтобы не перекинуться, подойти к ней и прижать к себе это стройное тело. Смять небольшую, но такую упругую грудь. Бросить девчонку прямо на дно оврага и раскинуть ноги, чтобы увидеть, как сочится влагой то место, в которое он мечтает ворваться...

Она почувствовала его взгляд и испугалась. Стыдливо прикрылась одеждой, а потом неслась через поле, как стрела. Тогда он решил больше не прятаться, чтобы поймать еще хоть один ее взгляд...

Кулак снова врезался в дерево, и опять Гордей не почувствовал боли. Разве что в паху – от новой волны возбуждения, что породили воспоминания. Он окончательно сошел с ума, если желает ту, что годиться ему в дочери! И не просто желает, а сходит с ума от этого желания, ни о чем не в силах больше думать. Нужно положить этому конец. Виной всему ее проклятая магия! И с этим ему сегодня предстоит разобраться. Сегодня ночью, когда навестит ее.

Я пропалывала свой небольшой огородик за домом, когда раздался знакомый голос:

– Ритка, ты дома?..

Вообще-то, духи нарекли меня Ризэттой, что на языке людей тумана означает знойная. Бабушка так и говорила: «Ты у нас знойная, как жарко солнышко, что светит на людей, не щадя своей силы, – и не забывала добавлять: – Смотри, Ризэтта, не расходуя жар попусту. Кого опалишь, а на иного и не хватит». Я до сих пор не очень понимаю, что значат ее слова, но во всяком случае, они меня приучили держать эмоции в узде. Но только не сейчас, когда я так соскучилась по своему другу детства.

– Костик! – заорала я в ответ, кинула тяпку и рванула к калитке. Уже через секунду я висела на шее у высокого и загорелого парня, едва не плача от радости.

– Пусти, ненормальная, задушишь же, – пытался отодрать он от себя мои руки и громко смеялся.

И только натискавшись друга как следует, я сообразила, что кажется, он стал пошире в плечах, да и вообще... возмужал. И ничего удивительного, потому что не виделись мы с ним вот уже пять лет как. После десятого класса Костик переехал жить к отцу. Одиннадцатый класс уже заканчивал даже не в соседнем городе, а в далекой Сибири. А после школы отец, какой-то там нефтяной магнат средней руки, отправил единственного сына учиться за границу. Вот так и получилось, что к матери он смог выбраться только сейчас, да и ко мне тоже. Все эти годы мы переписывались с ним по интернету, изредка общаясь по скайпу. И честно говоря, я и не догадывалась, что он так вырос и повзрослел.

– Ты стал такой!..

– Ты стала такой!..

Затараторили мы с ним одновременно, а потом оба смущенно рассмеялись. По его глазам видела, что я тоже изменилась. Все правильно – та голенастая старшеклассница осталась в прошлом.

– Пошли в дом, пить чай! – выпалила я, чтобы скрыть смущение. Очень непривычно было видеть друга детства не вихрастым пареньком, а довольно симпатичным мужчиной, со стильной стрижкой на волосах цвета соломы.

Я не знала, куда деть себя от неловкости, пока ставила чайник, доставала праздничную посуду из серванта. И Костик мне в этом не помогал, сидя за столом и пристально разглядывая суetyающуюся меня. В конце концов, меня его пристальность начала немного подбешивать. Наверное, потому и спросила агрессивнее, чем планировала:

– Надолго ты к нам?

– Вообще-то до конца лета, – усмехнулся он, и усмешка его мне тоже показалась незнакомой. Какой-то очень взрослой и ушлой что ли...

– А-а-а, – протянула я, не зная, что еще можно сказать, и скрылась в кухне.

– Как ты тут одна?.. – спросил Костик, когда вернулась я с подносом.

Я понимала, про что он, но так не хотелось говорить об этом. Бабушка умерла полгода назад, и я все еще не могла привыкнуть, что ее больше нет рядом, что отныне я одна на всем белом свете. И мне не приятно было чувствовать на себе жалостливые взгляды соседей. Ведь дело совсем не в том, что живу я одна и вынуждена сама себе зарабатывать на хлеб. Мы и раньше с бабушкой не шиковали. Дело в том, что осиротела моя душа, в которой теперь не было никого, и даже образ бабушки постепенно стирался. Но киснуть нельзя! Надо быть сильной, чтобы жить дальше. Люди тумана именно такие – сильные и выносливые, а я – одна из них.

– Нормально, – тряхнула я головой и улыбнулась, показывая другу детства сразу все зубы. – Работаю в нашем супермаркете, начальником, между прочим, – хихикнула. – Ты лучше про себя расскажи...

И он рассказал... До самого вечера трепался без умолку. Не то чтобы я слушала его очень внимательно и сильно уж проникалась заграничной жизнью, но наблюдать за Кости́ком было интересно. Вынуждена была признать, что он стал настоящим красавчиком. Девчонки, наверное, от него без ума. Интересно, а с кем-нибудь из них у него есть что-то серьезное? Но спрашивать об этом, конечно же, не стала. Сначала нужно было привыкнуть, что он вернулся, пусть и на время, в мою жизнь.

– У тебя завтра выходной? – спросил Костик, когда я вышла его провожать до калитки.

– Да. А что?

– Пойдем на озеро, позагорает? Лето все-таки...

– С удовольствием! – улыбнулась я.

Раньше мы часто с ним бегали на озеро. А потом он уехал, вскоре заболела бабушка. Кажется, я даже прошлым летом ни разу не загорала.

Мы договорились, что Костик зайдет за мной в десять. Ну и прощание получилось каким-то неловким. Все же никак мы не могли привыкнуть друг к другу новым.

Так странно... Сегодняшний день ведь был совершенно не обычный, хотя бы потому, что приехал Костик. Но лежа в постели я думала не о нем, а о медведе, вспоминала утро и свой страх. Особенно отчетливо мне виделись его глаза. В какой-то момент даже показалось, что они светятся в темноте комнаты. Но конечно же, все это были шутки моего сознания, которое порой любило попугать хозяйку. Уже засыпая, на всякий случай, я пробормотала заклинание, отгоняющее нечистую силу. Зачем это сделала, и сама не поняла, но после него мне стало немного спокойнее.

Глава 4

Разбудило меня ощущение потери. Глубокое, пугающее, безвозвратное... Не помню, что снилось перед пробуждением, но плакала я наяву. Слезы стекали по щекам, терялись в волосах. Что-то теплое и немного шершавое касалось моего лица, стирая влагу. Ночь стояла душная, но даже под легкой простыней мне было жарко. Хотелось сбросить ее, но подсознание, что не дремало даже во сне, помешало это сделать.

В комнате было так темно, хоть глаз коли. Незашторенное окно пугающе чернело, словно его измазали смолой, лишь бы не впустить даже каплю того скудного лунного света, что дарило ночное светило. Но даже не это напугало меня так, что сердце принялось колотиться как ненормальное, а дыхание стало прерывистым и судорожным. Внутри меня царила пустота. Я словно лишилась чего-то настолько дорогого, без чего невозможна моя жизнь.

А потом я увидела его – темнеющий силуэт на моей кровати. Он был лишь немногим чернее ночи, но все же выделялся, чтоб я могла охватить его взглядом. Первый же порыв стряхнуть морок, развеять его в воздухе при помощи силы, привел меня к страху, близкому к отчаянию. Слезы все еще продолжали катиться из глаз, сама же я холодела от понимания пустоты – я не могла нащупать ту нить, что тянулась от сознания к магии, она оборвалась, чего никогда не случалось за всю мою жизнь.

Тень потянулась ко мне, и вновь что-то теплое и шершавое коснулось щеки, стирая слезы.
– Не плачь, девочка, я не причиню тебе вреда, – прозвучал в комнате тихий голос.

Дыхание со свистом вырвалось из груди, когда поняла, что рядом человек, а не туманный морок, что пришел забрать меня. Но почему я не могу оживить энергию?.. Кто он и что от меня хочет? Как он попал в дом, запертый не только замками, но и магией?

– Что вы со мной сделали? – с трудом заставила я себя заговорить, в то время как губы не слушались, а по телу разливалась слабость. Эта слабость мешала пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы бежать. А в последнем я уверялась все сильнее, по мере того как все отчетливее улавливала опасность, исходящую от мужчины.

– Сильнее тот, кто оказался первым, – проговорил он, и в его низком голосе мне послышалась усмешка. – Сегодня первым был я, и твоя магия, что мне не знакома, теперь под контролем. Но ты не волнуйся, я верну тебе ее, как только получу то, за чем пришел.

– Что? Что вам от меня нужно? – срывающимся голосом спросила. Мне хотелось закричать, но получалось разве что испуганно шептать. Без своей энергии я стала слабой, ни на что негодной.

– Мне нужна ты, девочка... – он придвинулся ближе, и ладонь его легла на мою щеку, обжигая ее, заставляя кровь быстрее побежать по жилам.

Страшная мысль пронзила сознание, тут же заставляя кровь стынуть в жилах.

– Вы меня изнасилуете?!

Теперь я не сомневалась в его намерениях. И это подтверждала его рука, что со щеки соскользнула на шею и замерла не доходя до груди. И замерла она после моих слов, а сам мужчина напрягся – я это явственно ощутила.

– Я никогда не беру силой то, что дарят мне по доброй воле, – сухо проговорил он и склонился над моим лицом.

Теперь я улавливала его запах. Невольно втянула носом аромат чистого тела с примесью силы, такой что сметает все преграды на пути. Без единой нотки парфюма – только натуральное, чем наделила его природа. Его запах мне понравился, а вот горячее дыхание, что опаляло кожу, и блеск глаз в темноте, заставили задрожать от страха. Несмотря на то, что лицо его было так близко, я не могла разглядеть ни черточки. И от этого становилось еще страшнее.

Собрав волю в кулак, я схватила его за руку, но так и не получилось сдвинуть ее с места или оторвать от своего плеча, на котором та и покоилась, прожигая кожу даже через ткань ночной футболки. Но я должна!.. Не единой магией жива ведьма! – эту мысль мне постоянно внушала бабушка, когда видела, что я слишком полагаюсь на свою силу. – Иногда полезно забывать про энергию и вспоминать, что прежде всего ты человек...

Я человек! Женщина, на чью честь сейчас покушается насильник, что бы он не говорил или пытался внушить мне. Ни один мужчина еще не касался меня, и я жила с уверенностью, что так и будет, всю мою жизнь, долгую или короткую – то знать нам не дано. И этот не посмеет!..

– Я не хочу вас! – напряглась я всем телом и смогла скинуть с себя его руку, а потом и упереться ему в грудь, отодвигая от себя как можно дальше.

– Как можешь ты знать, чего хочешь, если даже примерно не понимаешь, о чем говоришь?

Снова он насмехается, на этот раз явно забавляется. И не я оттолкнула его, а он сам позволил это сделать.

– Пожалуйста, уйдите!.. – взмолилась я и на этот раз нашла в себе силы сесть и отодвинуться от него в дальний угол. – Вы ведь в своем уме и обещали, что не станете насиловать...

Какое-то время он молча разглядывал меня. Почему-то мне казалось, что в отличие от меня он все прекрасно видит. А еще я чувствовала, как скользит по мне его взгляд, как хочется от него прикрыться, натянуть одеяло повыше. Но куда уж выше – я и так стиснула его под самым подбородком.

– Один поцелуй, девочка... Только один, – без тени угрозы или злости, совершенно спокойным и даже равнодушным голосом отозвался мужчина. – И если после него ты захочешь, чтобы я ушел, так и будет.

Поцелуй? Но меня еще никто не целовал! И я не хочу, чтобы этот... стал первым. Мысли лихорадочно метались в голове в поисках выхода, достойного ответа, а пальцы мужчины уже коснулись моего подбородка, слегка приподнимая голову. Медленно, мучительно долго, он склонялся ко мне. В нескольких миллиметрах от моих его губы замерли, чтобы я снова могла уловить его запах.

Когда он коснулся меня губами, по телу словно пробежал разряд электричества. Я дернулась, но его руки обхватили уже меня кольцом, не позволяя отпрянуть. А губы прижались сильнее к моим. Стоило только ощутить его язык внутри, как новая волна дрожи прошла по телу. Я не понимала, что делаю, голова кружилась все сильнее, а внизу живота все сжималось узлом. Отвечаю ли я на его поцелуй? Наверное, потому что мой язык касается его, сплетается с ним в экзотическом танце... И это сводит меня с ума, мешает мыслить разумно.

Я почувствовала, как рука его скользнула по спине, переместилась к шее, а потом спустилась к груди, сжимая ее несильно. И мне прикосновение не показалось неприятным, с ужасом поняла, что выгнулась навстречу его руке, пальцам, что ласкали сосок через футболку. И губы его продолжали терзать мои. Пытка ли это, если голова моя кружится все сильнее, а поцелуй кажется чем-то настолько прекрасным, что я мечтаю о его продолжении даже тогда, когда он оторвался от моих губ?..

– Это твоя магия? – пробормотала я, не в силах оттолкнуть его, мечтая увидеть его губы, чтобы прижаться к ним снова. И его рука, что уже пробралась под футболку и обжигала обнаженную кожу, не смущала, а разжигала внутри меня настоящий пожар.

– Это страсть, девочка, – прошелся он легкими поцелуями по моему лицу и вновь остановился на губах, на этот раз целуя еще глубже. – Страсть, что вспыхивает между мужчиной и женщиной, когда они хотят друг друга. Ты хочешь меня не меньше, я это чувствую. И докажу тебе, – с этими словами он взял мою руку и потянул ее вниз – к трусикам. – Коснись себя там, ощути свой сок... Это сок желания, страсти...

Под его давлением ли, или оттого, что сознание мое было чем-то затуманено, я проникла под тонкую ткань и прикоснулась к тому, что еще никогда не трогала с иными целями, нежели

для гигиены. Моя плоть пульсировала под пальцами и сочилась влагой. И прикосновения эти мне тоже были до боли приятны, как и зарождалось желание чего-то большего, а чего я и сама не знала.

– Ты моя страстная малышка, но твою страсть нужно разбудить. Так позволь же это сделать мне, – прошептал он мне на ухо, лаская его губами и языком.

Я совершенно растерялась. Надо бы оттолкнуть его... Так почему же я цепляюсь за его плечи, словно боюсь, что он сейчас исчезнет? Отчего ищу его губы и хочу вновь ощутить их вкус, коснуться его языка?.. Не иначе это какая-то магия. И пусть название ей страсть, смысл от этого не меняется.

Он уложил меня на спину, предварительно освободив от футболки и трусиков. Кожи коснулся легкий ветерок, созданный его движением, когда устраивался на кровати рядом со мной. Я уже и не думала его отталкивать, желая получить то, что способно было потушить пожар внутри меня.

– Не бойся меня, – прошептал он мне в губы, прежде чем накрыть их своими.

А я и не боялась. Какой там! Я страстно желала разгадать ту тайну, завеса над которой лишь приподнялась, разрешая мне взглянуть одним глазком. Томление уже ощущалось не только в животе, оно разливалось по всему телу, выкручивая мышцы, покалывая кожу изнутри. Из всех сил сжимала ноги, хоть они и стремились раскинуться, приглашая его устроиться поудобнее. Я и не заметила, как прикоснулась к его плечам, прошла пальцами по рельефным мышцам, ужасаясь, какой он крупный и накаченный и восхищаясь его силой, чувствуя ее на уровне интуиции. Я не могла видеть, но все чувства обострились, рисуя его образ в воображении. Только вот у моего любовника по-прежнему не было лица.

Руки мои скользнули ему на шею, коснулись пульсирующей жилки и зарылись в волосы – мягкие, шелковистые и прохладные, пахнущие все той же чистотой и летней свежестью. И я не знала, что сильнее сводит меня с ума, позволяет желать больше, – его губы или этот запах.

Не переставая целовать меня, он накрыл рукой мою грудь. Соски отреагировали настолько остро, что я не выдержала и тихонько застонала, выгибая спину. Он словно только этого и ждал, и в следующий миг его губы взяли во влажный плен напряженную вершину. И снова я зарылась в его волосы, на этот раз еще хуже контролируя себя. Его губы и язык сводили меня с ума, заставляли так остро желать его, что сил терпеть практически не осталось. В то время, как он поочередно ласкал соски, поглаживая их, покусывая, втягивая в рот и выпуская, я готова была молить о продолжении, извиваясь под ним всем телом, не замечая, как с губ моих срываются стоны.

Его рука скользнула по моему животу, оставляя обжигающий след, и коснулась треугольника между ног. Мне же казалось, что там я уже неприлично влажная. Но его пальцы лишь задели складочки и принялись гладить внутреннюю поверхность бедра, мягко но настойчиво разводя этой лаской мои ноги. Я почувствовала прохладу там, когда распахнулась навстречу новой неге – боле откровенной и чувственной. Наконец-то он прикоснулся к пульсирующей точке! И сразу же это касание отозвалось новой мощной волной, что прокатилась по моему телу.

Мне хотелось чувствовать его губы на своей груди так долго, как только это возможно, и потому я даже разочарованно выдохнула, когда он оставил ее и принялся прокладывать дорожку из поцелуев вниз, к пупку, а потом еще ниже. И вот тут я запаниковала по-настоящему. Не собирается же он?.. Мои руки потянулись к его голове, и инстинктивно я попыталась отползти, но и этого мне не позволили сделать его руки. Он крепко обхватил меня за бедра, чуть приподнимая и устраиваясь между ними. Я готова была сгореть от стыда от осознания того, что, догадываясь, он собирается сделать.

– Я должен попробовать тебя на вкус, девочка, – проговорил он, склоняясь надо мной.

И больше ни одной разумной мысли. Они все просто разлетелись из моей головы под натиском его языка и пальцев. Я приближалась к чему-то настолько сильному, ведомая таким умелым проводником, что боялась не справиться – потерять сознание. Я уже не стонала, а кричала. Но может, мне так только казалось. Я молила о пощаде, а в голове билась единственная мысль: «Такого я точно не выдержу». А когда наступила разрядка, и тело мое забилося в конвульсиях, удерживаемое сильными руками, я поняла, что ничего прекрасней в жизни не испытывала никогда ранее. И все время, пока я всхлипывала, уткнувшись ему в плечо, он гладил меня по спине, крепко прижимая к себе. И лишь когда я затихла в его руках, проговорил:

– Теперь моя очередь, девочка. А тебе нужно немного потерпеть.

Его набухший орган коснулся моего лона и медленно начал входить в него. Губы накрыли мои, чтоб заглушить крик, что готов был сорваться с них от резкой боли, что прострелила тело. Но почти сразу же все и закончилось, когда движения стали ритмичными, и новая волна возбуждения начала нарастать во мне со скоростью снежного кома. На этот раз ощущения были несколько иными – более полными и волнительными. Я чувствовала, как и его сжигает страсть, и сама же плавилась в своих ощущениях. Снова я сорвалась с вершины первая, но он сразу же догнал меня в головокружительном полете.

Никогда не думала, что могу отдаться вот так вот, первому встречному, но лежа у него на плече и слушая биение его сердца, я ни о чем не жалела. Возможно, завтра я буду ненавидеть себя, а сейчас какая-то сила делала мои веки все тяжелее, а мысли, напротив, невесомее. Последнее, что услышала, засыпая, как он сказал, целуя меня в висок.

– Спи, моя страстная девочка, и ни о чем не думай...

Глава 5

Гордей прислушивался к размеренному дыханию спящей и никак не мог себя заставить встать и покинуть ее дом. Встал, лишь когда понял, что лежать с ней рядом и не обладать ею снова и снова становится невыносимо.

Он прошелся по ее дому, в котором и было-то всего две комнаты и крохотные сени. В темноте видел отлично и передвигался бесшумно – привычка, выработанная годами и рожденная инстинктами зверя. Мебель старая, краска на стенах облупилась местами, половицы скрипят через одну, но надо знать, куда ступать, простенькие занавески на окнах... Все это он подметил машинально, как и то, что в доме очень чисто, до стерильности. Не богато живет, девочка, совсем не богато, но он не улавливает той нужды, что обычно царит в подобных домах, словно хозяйка настолько привыкла довольствоваться малым, что уже и не замечает этого.

Гордей вернулся к спящей девушке и какое-то время рассматривал ее, вспоминая, какой страстной была эта малышка. Неопытная, осторожная, она смогла разжечь в нем такой силы пожар, какой уже давно не вспыхивал, даже тогда, когда самые красивые женщины были к его услугам. Рука потянулась, чтобы коснуться ее плеча, скользнуть под простыню и снова ощутить бархатистость кожи, живое тепло крови, но Гордей вовремя одернул себя. Нельзя... Нельзя было вообще приходить сюда и брать ее. Она молодая и чужая, а он изгой, которому нечего ей предложить, кроме своей похоти!

Почему он до сих пор медлит и не уходит из ее дома? Незнакомая сила, что он выпустил из-под контроля, снимая блок, уже ощутимо вибрировала в воздухе, намекая, что посторонним тут не рады, что пора и меру знать. Но что-то его останавливало, и не только близость девушки и ее манящая нагота.

Гордей прислушался к себе и прошло еще какое-то время, прежде чем он уловил присутствие чего-то еще. И это что-то таило в себе опасность. Ей грозила опасность, и от этой мысли он почувствовал, как тело окунуло в холод. Дышать на мгновение стало так тяжело, что он схватился за горло, пока дыхание не выровнялось и не вернулась способность мыслить отстраненно.

В доме все было тихо и спокойно, не считая ее магии, что уже гораздо активнее гнала чужого, потрескивая в воздухе. Чтоб не раздражать ее еще сильнее, Гордей бесшумно выскользнул на улицу, замыкая дверь на замок. В огороде, под раскидистой старой яблоней он остановился и снова прислушался. Что-то явно присутствовало, но пока еще далеко. Только вот он ни минуты не сомневался, что угроза приближается, и ее цель – девушка.

Оборачиваться в поселке он не стал – быстро миновал поле и только в лесу стал тем, кем в последнее время, а точнее, год, бывал чаще, чем человеком. Зверь прощал ему все, чего не мог простить человек, и им было легче быть.

Обратный путь не занял много времени, разве что заставил его запыхаться. Адреналин все еще бурлил в крови, когда Гордей заходил в дом отшельников, где в эти ночные часы все еще крепко спали. В сенях он достал бутылку бренди и плеснул себе в кружку на два пальца. Привычка, оставшаяся от прошлой жизни, никак не хотела покидать его, словно дразня и показывая, как много он потерял. Могла бы так не стараться – у него было достаточно времени, чтобы осознать собственные ошибки.

Тихо скрипнула дверь, и раздались легкие шаги. Теплые ладони невесомо легли на плечи Гордея, а к спине прижалось разгоряченное сном тело.

– Я скучала... Где ты был?

Он был в раю... Гордей повернулся, и Лиля прижалась к нему еще теснее, потерлась щекой о грудь, огладила плечи, поцеловала сосок. Но сразу же напряглась и немного отстранилась, заглядывая в глаза.

– От тебя пахнет женщиной, – судорожно выдохнула она.

Она медведица – молодая и сильная. Запахи – ее стихия. А уж аромат страсти и подавно утаить не получилось бы. Да и не хотел он ее обманывать, не заслужила она такого отношения. И сейчас Гордей не знал, что ответить, лишь молча просил у нее прощения.

– Кто она? – вновь спросила Лиля. В ее голосе не было злобы или обиды, разве что толика затаенной грусти. Она словно говорила, что ожидала подобного, но не думала, что произойдет это так скоро.

– Я не знаю, – тихо ответил он и погладил женщину по щеке. – Просто девушка.

– Нет, уже не просто, – усмехнулась медведица. – Она завладела твоим разумом без остатка. Ты пленен ею и не можешь с этим бороться.

Не может или не хочет? На этот вопрос у Гордея ответа не было. Да и все мысли его были там – в маленьком домике, возле узкой кровати, на которой разметалась во сне такая желанная и чужая девушка.

– Лилия, мне нужна твоя помощь.

– Какая же? – отошла она от него, зачерпнула воды из бака и быстро выпила.

– Мне нужно, чтобы ты раскинула на нее.

Лилия вновь приблизилась к Гордею и положила руку ему на грудь. Она втянула носом воздух и к чему-то прислушалась, а потом спокойно проговорила:

– Она гораздо сильнее тебя и меня вместе взятых. Но ее сила опасна даже для нее сейчас, когда она так уязвима. Я посмотрю ее судьбу, – она взяла Гордея за руку и повела в свою комнату.

– Дура! Какая же ты дура!.. – шепотка сушеной крапивы полетела в кипящую воду.

Из кастрюльки повалил дым, и я закашлялась от едкого запаха. Тело ломило после бурной ночи, а в душе царил чернота, замешанная на жгучей злобе. И злилась я на себя, на свою непроходимую глупость! Как?! Как я могла допустить такое? Что заставило меня забыть об осторожности, да обо всем на свете, и придаться страсти с не пойми кем?! Я – что отказалась от плотских отношений с мужчинами, имея на это достаточно оснований, сегодня ночью занималась любовью, не думая о последствиях. А ведь именно от этого и появляются дети, и мне это совершенно не нужно. Не могу я обречь невинное существо на безрадостную жизнь!

В зелье оставалось добавить еще мать-и-мачехи и произнести простейшее заклинание. Что я и сделала как можно быстрее, потому что время уже поджимало, и все мои мысли только и были заняты, что возможными последствиями нелепого ночного приключения.

Сегодня, вопреки всему, я проснулась не на рассвете. Даже биологические часы, что служили мне верой и правдой с детства, дали сбой. Никогда не забуду ощущение полнейшего счастья в момент пробуждения. Мне и снилось что-то настолько радужное, что не хотелось прерывать сон. А в окно уже вовсю заглядывало солнце, подмигивая и заигрывая со мной.

Воспоминания проснулись гораздо позже меня, когда я уже пришла на кухню за порцией утреннего кофе. И вот тут реально показалось, что меня окатили ледяной водой. Даже волосы на голове зашевелились от ужаса, а по телу разлилась такая слабость, что в первый момент я вынуждена была опуститься на табурет и какое-то время переваривала информацию. Я смотрела на свои подрагивающие руки и вспоминала, как обнимала ими ночного гостя. Даже сейчас я ощущала, как приятно покалывает пальцы, а внизу живота разливается тяжесть; как увлажняются мои глаза, и становится нестерпимо жарко. И одновременно с этим жгучая злость, рожденная обидой на чужое вероломство, разгорается в душе.

Сколько прошло часов? Шесть, семь, восемь?.. Я даже примерно не понимала, в какой момент ночи он проник в мой дом. Оставалось надеяться, что я все успею.

Когда зелье было готово, я сняла его с огня, процедила и наполнила им чашку. Рука дернулась, когда брала ее со столешницы. Несколько капель огненной воды попали на кожу,

обжигая, заставляя задохнуться от боли. Чашка выпала из рук и разбилась вдребезги. И это стало последней каплей, переполнившей чашу моей злости.

– Миморо нути! – произнесла я и стиснула зубы так, что те едва не раскрошились.

Из растопыренных пальцев на осколки хлынул мощный поток энергии, превращая их в пыль, поднимая в воздух и закручивая спиралью. Входная дверь с шумом распахнулась. Ветер подхватил полы моего халата, кидая волосы в лицо, выметая ураган из дома. И лишь когда дверь с грохотом захлопнулась, я поняла, какую совершила глупость. Тут мне стало настолько плохо, что не выдержала и разрыдалась, закрыв лицо руками и опускаясь на табурет, вторивший мне жалобным скрипом.

– Злая ведьма – страшное существо, в котором не остается ничего человеческого. Всегда помни об этом, даже когда нет сил совладать с этой злобой!

А кем сейчас была я? Злой, бездушной ведьмой. Попадись кто под горячую руку, и его бы стерла в порошок. И самое страшное, что я выпустила энергию из-под контроля, становясь заметной. И если кто-то поставил перед собой такую цель, то теперь он точно знает, где искать меня. Слезы еще более горьким потоком хлынули из глаз. В таком состоянии меня и застал Костик, замерший на пороге кухни.

– Рит, ты чего, а?..

Его растерянный голос послужил отрезвляющим душем. Я моментально успокоилась и вскочила. Вытерла лицо и даже попыталась улыбнуться.

– Все нормально – утренний невроз. Кофе будешь?..

Мамочки! Мне же нужно выпить зелье! Я метнулась к кастрюльке, моментально забыв о Косте, и облегченно выдохнула, когда поняла, что зелья еще осталось прилично, на порцию хватало.

– А чего это ты пьешь? – раздался за спиной голос Кости, и голова его заглянула в кастрюльку через мое плечо.

Я дернулась и снова чуть не разлила зелье. Спокойно, Риэтта, спокойно... Его ты не можешь развеять по ветру. Он твой лучший друг. Зубы снова едва слышно проскрежетали друг о друга.

– Настойка от простуды, – ляпнула первое что пришло в голову. – В горле что-то першит, – и тут же припала к чашке, глотая горькую жидкость, пока не увидела дно.

Чашка грохнулась о дно раковины, едва не разбившись. Сама же проворно отошла в сторону и занялась кофе. Зачем он так близко подошел? И когда же перестанут трястись эти чертовы руки!

Костя, видимо, понял, что какое-то время меня лучше не трогать и не задавать вопросов. Даже не догадывалась, что он сейчас обо мне думает, да это и не важно. Гораздо важнее взять себя в руки и поскорее, успокоить бушующую внутри меня энергию. А она вела себя так, словно не планировала утихомириваться, познав вкус воли. Но я же сильнее, и она должна подчиняться мне! А самое главное, что я успела выпить зелье. Именно эта мысль и позволила мне успокоиться и разлить кофе по чашкам. Когда несла их к столу руки уже практически не дрожали.

– Поход на озеро отменяется? – аккуратно спросил Костик, и только тут я сообразила, что молча сосредоточенно хлебаю кофе, забыв о том, что и он рядом. Он же все это время внимательно за мной наблюдал, как поняла по его глазам.

– Еще чего! – встрепелась я. – Сейчас накручу нам бутербродов и пойдем...

Раньше это всегда делали бабушка или его мама. Еще больше, чем загорать и купаться в озере, мы с ним любили наши пикнички.

– Не нужно бутербродов, Рит, – улыбнулся Костик, и я поняла, что он немного расслабился. – Зайдем в магазин по пути...

Ну магазин, так магазин, – пожала плечами я. А друг-то мой изменился. Исчезла та юношеская беспечность и простота. В который раз я осознала, что передо мной сейчас сидит взрослый и в общем-то чужой мужчина, который отдаленно чем-то похож на моего друга. Сразу как-то грустно стало, и на душе шевельнулась тоска.

В магазине моя сменщица устроила настоящее шоу, стоило нам с Костиком только переступить порог. С Диной мы учились в одном классе. Так же как и я после школы она осталась в поселке. Ну а к Костику она еще в школе была равнодушна, только вот он в то время девчонками вообще не интересовался. И меня за такую не считал, так и называл поцанкой и лучшим другом.

– Костик, ты похож на заморского принца, – припала Дина к груди парня, чем ввергла в смущение, от которого он и покраснел как рак. Ну наконец-то, я узнала в нем моего Костика! – Только вот Ритка не твоя принцесса, – мазнула она по мне насмешливым взглядом.

С Диной мы не дружили, если не сказать больше. В школе она меня отчаянно ревновала к тому же Костику, а после школы график работы не позволял даже видеться часто, чему я, собственно, была даже рада.

– Кость, чего возьмем? – не обращая внимания на сменщицу и на то, что та все продолжает висеть на шее у друга, спросила я.

– Вместе выберем... – решительно снял он руки Дины с себя и двинулся под ее разочарованным взглядом следом за мной.

Вскоре мы покидали магазин, накупив сладостей и соков. Костик выглядел абсолютно довольным. Я же чувствовала себя несколько иначе. Очень мне не понравилось, как он безостановочно критиковал ассортимент в магазине, сравнивая его с заграничным. Нашел с чем сравнивать! Мне много чего хотелось ему сказать, но предпочла промолчать. Все равно ведь переубедить не смогу – он с детства упрямый и гнет свое. Но от гаденького чувства, что друг считает себя намного выше всех нас, живущих в поселке, избавиться не могла.

Озеро наше считала одним из красивейших мест на земле, хоть не так и много этих мест я видела. Маленькое, круглое и чистое, по берегу оно заросло камышом и тальником. Даже когда желающих позагорать и искупаться было много, здесь легко было затеряться, а сегодня так и вовсе озеро пустовало. Ну правильно, кто ходит загорать в понедельник утром!

– Помнишь, как мы ныряли с того камня? – спросил Костик, указывая на большой камень, вдающийся глубоко в озеро. В детстве мы любили с него прыгать, точно зная, что дно там чистое и довольно глубоко.

– Конечно, помню, – ностальгически отозвалась я.

Мы выбрали место под ивой, но так, чтоб она не прятала от нас солнце. Расстелили покрывало, что я прихватила из дому, и принялись раздеваться. Купальник я надела прямо под сарафан, и через минуту уже нежилась под ласковым солнцем – компенсировала то, что не получила утром.

– Ты стала очень красивой... – не сразу обратила внимания, что Костик не торопится присоединяться ко мне, а стоит и разглядывает меня сверху.

– Не перестанешь пялиться – утоплю, – пригрозила я, пытаюсь спрятать смущение. Такого в наших прежних отношениях тоже не было. Вряд ли он вообще задумывался над тем, как я выглядела. Так что же изменилось сейчас? Он – тут же нашелся ответ.

Чтобы не смущаться и дальше и не зная, что еще можно сказать, я перевернулась на живот и залюбовалась искрящейся под солнцем поверхностью озера. Через какое-то время почувствовала, как и Костик присоединился ко мне. Рука его вроде ненароком коснулась моего бедра, но даже этого хватило, чтоб ночные события ожили в памяти, бросая меня в жар. Мельк-

нула мысль, что не нужно было сегодня никуда идти, но ее я прогнала, как трусливую и не достойную. Это же Костик! Друг детства! А мне мерещится всякая чертовщина.

Вскоре Костик недовольно заворочался и сел на покрывале.

– Я сейчас расплавлюсь. Пошли окунемся?

Ну я, предположим, не плавилась, а наслаждалась, но окунуться не помешает. Солнце, что еще даже не добралось к зениту, и правда пекло нещадно.

Вода приятно охлаждала кожу, но не обжигала. Она была именно такая, как я люблю. Костик повизгивал и отбрызгивался, как девчонка, пока заходил в озеро. Я же так не любила и нырнула с головой, едва вода дошла до колена. А потом сразу поплыла к середине – именно там я любила лечь на спину, расслабиться и позволить водной глади убаюкивать тело, а солнечным лучам ласкать его сквозь тонкий слой влаги.

– Ты все такая же пацанка, – смеялся и отфыркивался Костик, когда догнал меня.

– Не хочу меняться, – тряхнула я волосами, обдавая его брызгами и зависая вертикально.

– Это случается независимо от нас, само собой... – последовал он моему примеру.

Мы находились так близко друг от друга, что невольно касались друг друга ногами, и это мне ужасно не нравилось. Но стоило мне только чуть-чуть отплыть, как Костик снова приблизился. А когда его руки сомкнулись на моей талии, то меня затопила настоящая паника.

– Что ты делаешь? Пусти! – от неожиданности я даже ушла под воду, но сразу же вынырнула, немного хлебнув ее и закашлявшись.

Костик и тут поспешил на помощь – теперь его руки обхватили меня в опасной близости от груди.

– Костик! – закричала я, чувствуя приближение паники. – Отпусти!..

Но он словно оглох резко. Вместо того чтобы разжать пальцы, притиснул меня к себе еще сильнее, пытаясь поймать мои губы. Я забилась в его руках, и теперь уже мы вместе ушли под воду. На этот раз я нахлебалась сильнее и пустила в ход кулаки, как только голова моя оказалась над поверхностью. Я готова была убить лучшего друга, лишь бы он больше никогда меня не трогал. Энергия уже кипела во мне и сдерживать ее получалось с трудом.

– Успокойся, ненормальная! – рассмеялся Костик, не понимая даже примерно в какой опасности сейчас находится. – Видишь, я больше тебя не трогаю, – поднял он руки над водой. – Всего-то хотел поцеловать по-дружески...

И тут он резко замолчал, уставившись куда-то мне за спину.

– Костик... – позвала я, осознавая, что немного успокоилась.

– Там... там ме-ме-медведь, – глаза его расширились, и в них плескалась паника. – И он плывет к нам. Ритка! – тут же заорал он. – Гребь к берегу! – и сам рванул первый.

Бросив взгляд назад, я поняла, что зверь ему не примерещился, и что тот плывет к нам. Вот тогда и мне стало страшно. Погибнуть в озере от клыков хищника, да ни за что! Плыть за Костином я не стала, потому как расстояние между мной и медведем быстро сокращалась. Все равно не успею, – мелькнула мысль. Я решила защищаться, чувствуя привычное покалывание в пальцах. И надо было именно в этот момент свести сильнейшей судорогой икроножную мышцу. Я аж взвыла от боли и стремительно стала погружаться под воду. Никогда еще такого со мной не случалось, даже в детстве. Отчаянно барахтаясь, я понимала, что тону. И именно в тот момент, когда я начала прощаться с жизнью, не в силах даже активировать магию, меня коснулась мокрая шерсть. Медведь поднырнул под меня, и я оказалась у него на спине. И поплыл он со мной к противоположному от Костика берегу.

Глава 6

После разговора с Лилей Гордей так и не смог уснуть. Остаток ночи он провел в лесу, бродя косолапой задумчивой тенью и распугивая ночных зверьков.

Лиля была очень сильным медиумом, которая пользовалась своим даром в исключительных случаях. Считалось, что чем реже ты обращаешься к миру духов, тем сильнее становятся твои способности.

Первый раз Лиля заглянула в душу Гордея, вскоре после того, как он примкнул к клану отшельников. Тогда она впервые пришла к нему ночью, отдалась со всей страстью молодой и горячей медведицы, а потом он почувствовал, как она замерла в его объятьях и напряглась. Даже ее дыхания он не улавливал.

– Вижу боль твою... – заговорила Лиля не своим голосом, и Гордей понял, что она находится далеко. – Тоску, стыд, потерю... Но тебя уже давно простили, утешься этой мыслью и живи дальше.

Тогда он первый раз столкнулся со способностями медиума и узнал, что они не видят конкретные события, в особенности те, что произошли в прошлом, но могут улавливать настроение как прошлого, так и будущего. Из слов Лили Гордей понял, что брат его простил. И вернись он сейчас в клан, возможно, смог снова стать альфой. Не простил себя он сам, да и осознание наступило далеко не сразу. На первых порах, когда скитался и вел жизнь дикого зверя, в нем бушевала злость и жажда мести. И лишь по прошествии времени он начал понимать, что уже давно вел себя как самодур, наделенный неограниченной властью. Эта власть и вскружила голову до такой степени, что покусился на святое – невесту брата, на которой тот оставил метку собственности и неприкосновенности. Он нарушил один из непреложных законов клана, и его позорно изгнали.

И вот сегодня Гордей просил Лилю второй раз отправиться в мир духов, чтобы заглянуть в будущее той, что занимала все его мысли.

– Что ты почувствовал? – спросила Лиля, когда вернулась из транса.

Гордей в подробностях описал собственные ощущения. Лиля слушала молча, не перебивая, периодически кивая каким-то своим мыслям.

– Эта опасность уже очень близко, и исходит она не от живого человека, – произнесла Лиля, когда Гордей замолчал. – Я не вижу ту девушку. Ее скрывает от меня белый туман. Он же и защищает ее. Но каждый раз, когда она пользуется магией, в стене появляется брешь. Таких брешей уже много, и скоро защита падет. Тогда и придет он.

– Кто он, Лиля? Ты сказала, что это не человек...

– Я так не говорила. Он пришел из мира духов и мстит. В нем возродилась магия тех, кто убил его когда-то. И теперь он разыскивает по всему свету их потомков.

– Кто он? – Гордей почувствовал, как кулаки его сжимаются. – Как его найти?

– Этого я не могу сказать, – печально отозвалась Лиля, а потом добавила: – Береги свою девочку, – и грустно так улыбнулась.

– Что будет, Лиля?..

Медведица призадумалась и не торопилась с ответом. На этот раз она не унеслась разумом в мир духов, а лишь прикидывала, как лучше ответить – Гордей это видел по ее лицу.

– Ей здесь не место. Она бежит от любви. Жизнь ее висит на волоске... Как я уже сказала, ее я не вижу и почти не чувствую. Но я вижу рядом тебя. Потому и говорю – береги ее. Кто знает, возможно и получится избежать предначертанного и спастись из лап смерти.

Никогда раньше Гордею не было настолько страшно, как после разговора с Лилей. И боялся он не за себя. Едва забрезжил рассвет, он отправился в поселок. Затеряться в ее небольшом саду, стать незаметным другими не составило труда, он уже очень давно овладел навы-

ками подчинения себе чужой воли. Сидя под яблоней, он прислушивался к тишине в доме. Не пропустил пробуждения и уловил ту радость, что испытала в первый момент девушка. На смену радости пришла злость, и она его оглушила, настолько отчетливо он ее услышал. Она злилась на себя, ненавидя его всей душой. Но даже это не заставило его хотеть ее меньше. Даже сейчас он больше всего желал оказаться рядом, прижать ее к себе, успокоить, пообещать, что ничего плохого с ней не случится... А потом он почувствовал вибрацию ее энергии. Когда распахнулась дверь, и ураган вырвался из дома, срезая траву вдоль тропинки, словно по ней прошли газонокосилкой, Гордей окончательно осознал, насколько мощная сила в ней таится, и каких трудов ей стоит ту сдерживать. Сейчас сила вырвалась из-под контроля, пробивая еще одну брешь в защите, делая девочку уязвимой.

Парень, что танцующей походкой вошел в калитку, не понравился Гордею с первого взгляда. Ему даже не интересно было, кто тот и что тут делает. Этого гарцующего молодца не должно быть рядом с его девочкой и все тут. И если понадобится, он ни перед чем не остановится, чтобы устранить того.

Гордей следовал за ними до самого озера, оставаясь незамеченным. Парень не замолкал ни на секунду – каков болтун и самохвал. Рита же по большей части вела себя задумчиво и осторожничала, хоть Гордей и чувствовал между ними связь, идущую из прошлого, но настолько тонкую сейчас, что того и гляди оборвется. Если она не оборвется сама, то этому поспособствует он. Впрочем, этот индюк – ему не соперник, как ни крути.

Взгляды, что бросал на Риту паршивец, пока она раздевалась и опускалась на покрывало, бесили Гордея сверх всякой меры. Ему хотелось перегрызть ненавистную глотку прямо сейчас. Ну ладно, пусть не перегрызть, не убийца же он, в конце концов. Но напугать наглеца так, чтоб больше не смел приближаться к его девочке на пушечный выстрел. И такой момент представился, когда тот протянул свои руки к той, кого никто не имел права касаться, кроме него. Тут уж у Гордея окончательно снесло крышу. Он даже не понял, как обернулся медведем и кинулся в воду. А когда его девочка начала тонуть, страх погнал его вперед еще быстрее, заставив забыть обо всем остальном.

Нога болела просто адски. Удушливо пахло мокрой шерстью, в которую я вцепилась изо всех сил. А мысли работали примерно так: сейчас он меня вытащит на берег и сожрет, потому как в таком состоянии я ему даже отпор дать не могу. А все эта проклятая боль, что простреливала каждый раз, стоило мне только шевельнуться. И когда зверь выбрался со мной на спине на берег и довольно небрежно стряхнул меня в траву, то кажется, я и вовсе сначала взвыла, а потом потеряла сознание, правда на совсем короткое время.

Стоило очнуться, как я поняла, что лежу на животе, придавленная чем-то тяжелым, а по моей мышце на ноге елозит что-то влажное и шершавое. И, о чудо! С каждым таким елозином боль притуплялась, а мышца расслаблялась. А вот утробное рычание, что временами раздавалось так близко, и фыркание, ввергали меня в ужас. А когда спину оцарапало что-то острое, и я поняла, что прижата медвежьей лапой, то и вовсе чуть снова не лишилась чувств.

Зато ко мне возвращались силы, да таким мощным потоком, что покалывание я ощущала всей кожей. Действовать решила тоже немедленно, потому как знаю себя – начну раздумывать, случится что-то еще, или я просто не успею. А зверя надо было обезвреживать, пока он не вылизал меня начисто и не озверел окончательно.

– Откинуть и обездвигить, – пробормотала я про себя, стараясь не шевелиться и не подавать признаков жизни. И тут же выкрикнула заклинания.

По-моему, я перестаралась, потому что медведя от меня отбросило на несколько метров, и он со всего маха врезался с дерево. А сверху его и так ошарашенного еще и заклинание обездвигивания припечатало. Зато я была свободна и проворно вскочила на ноги. Мышца еще побаливала, но то были уже отголоски судороги.

Первой мыслью была бежать отсюда и как можно скорее, но стоило только бросить взгляд на медведя и встретиться с его грустными глазами, как мне захотелось подойти поближе. Я точно знала, что он меня видит и слышит, а потому тихонечко проговорила:

– Что же тебе нужно от меня, косолапый? Только не говори, что я тебя случайно встретила сегодня в третий раз.

Он так смотрел на меня... словно понимал каждое слово. И снова мелькнула мысль, что передо мной не обычный медведь, а оборотень, как бы нелепо это не звучало. Но с другой стороны, если есть ведьмы, то почему бы не быть оборотням. Уж кому, как не мне, верить во всякую нечисть. Эх, жаль я не знаю заклинания, способного обернуть его человеком... Наверное, такое есть, да только знала я лишь те, которым обучила меня бабушка.

– Ты не волнуйся, долго таким не пробудешь, – сочла нужным предупредить я, чувствуя себя немного диковато, разговаривая с медведем. Сейчас я его не боялась, потому что в себе и своих способностях была уверена. И даже от себя не ожидала, что захочется прикоснуться к его жесткой шерсти. Правда я тут же застеснялась своего порыва и отдернула руку. – Спасибо, что спас!..

Направляясь к берегу, я размышляла, что он ведь правда спас меня, а я с ним так... С другой стороны, откуда я знаю, чего можно ожидать от него. Ведь зверь же? Зверь. Ничего, скоро оклемается.

Обходить озеро было долго и неудобно, потому что берег далеко не везде был окультуренным и проходимым. На противоположный я решила добраться вплавь. И уже ныряя в воду и переплывая озеро со скоростью метеора, я сообразила, что совсем потеряла бдительность. Эх, прости меня бабушка! Плохо я слеую твоим наставлениям. Но и силу свою больше не могу держать глубоко внутри. Выходя на берег и отжимая волосы, я отчетливо поняла, что как только впервые выпустила энергию, она словно зажила собственной жизнью. И теперь уже не я была главной, а она.

Костика, конечно же не было, а все наши пожитки преспокойненько дожидались на берегу. Все еще находясь в задумчивости, что рождала в душе грусть и не понятно чем была вызвана, я собрала свои и друга вещи и направилась в сторону дома. И там, на лавочке возле своей калитки, я и увидела Костика, который...

– Ты плачешь? – потрясенно замерла я, заметив влагу на его щеках. Никогда, даже в нашем общем детстве, этот мальчишка не плакал. С деревьев падал, коленки расшибал, да много чего было... Губы кусал, злился, но слез не проливал. А сейчас, будучи взрослым мужчиной, он плакал.

– Ритка!.. – он смотрел на меня так, словно я вернулась с того света. – Ты живая!

– Еще какая! – усмехнулась я, опустилась рядом с ним на лавку и протянула ему шорты с футболкой. – А вот ты на стриптизера похож. И завтра все кумушки будут трындычать, что ты возле моего дома голый сидел.

– Но как?.. – он даже не обратил внимания на мою реплику, произнесенную самым что ни на есть беспечным тоном. Шок не проходил, и с этим что-то надо было делать.

– Кость, ну я же отлично плаваю, забыл? – натянула я на него сама майку. С шортами он уже справился сам. – Я удрала от него следом за тобой. А вот он чуть ко дну не пошел и повернул обратно, – продолжала самозабвенно врать.

– Да? – все еще с недоверием смотрел он на меня, но я-то видела по его глазам, как сильно хочет он верить. И опять я не сдержалась – самую малость подтолкнула его, с удовлетворением подмечая, как он успокаивается, и из глаз исчезает страх.

Так мы посидели еще немного. Наверное, можно было пригласить его домой и напоить чаем, но мне не хотелось. Напротив, я ждала, когда Костик попрощается и уйдет. Даже сама не знаю, почему, но видеть его сейчас не хотелось.

– Рит, я трус? – вдруг спросил он, посмотрев на меня глазами побитой собаки.

– Нет, Костик, ты мой самый лучший друг, – широко улыбнулась я и приобняла его за плечо. Лучший и единственный. Зато теперь я точно знала, что никаких поползновений с его стороны больше не будет. Это я тоже прочитала в его глазах.

– Я пойду?

– Иди, – милостиво разрешила я, едва сдерживая радость. Саму меня почему-то клонило в сон, хоть и сроду не любила спать днем. А сейчас еле сидела, глаза сами слипались.

Глава 7

Лиля увидела Гордея издалека. Тот шел, пошатываясь, временами останавливаясь и приваливаясь к деревьям. Лицо его периодически кривила гримаса боли. Да и весь его вид был какой-то бледный и помятый. Поняв, что тому нужна помощь, Лиля поспешила из дома.

– Что с тобой случилось? – подставила она ему плечо и тут же с губ его сорвался стон. Тогда Лиля и увидела синяк сбоку, что стремительно разрастался.

– Наказан маленькой ведьмой, – усмехнулся Гордей, но и это далось ему с трудом и отозвалось резкой болью.

Лиля помогла Гордею дойти до дому и уложила на топчан в сенях.

– Позову Матвея, – и метнулась вглубь дома, что-то сказать Гордей не успел.

Да и мыслями он был далеко, там – на озере. Как она на него смотрела... С любопытством, замешанном на страхе. Стройная, крепкая и такая красивая. Он видел, как блестят ее глаза – торжеством и справедливостью. До чего же ему в тот момент хотелось сжать ее в объятиях, но он только и мог, что смотреть на нее, скованный недвижимостью.

Заклятие ослабело довольно быстро – она не обманула, и сразу же Гордей понял, что наказали его неоправданно жестоко. Маленькая ведьма не рассчитала свои силы. Но как хороша была чертовка в момент торжества!

Дверь в сени распахнулась и вошел высокий старец. Гордей не знал точно, сколько лет Матвею, но тот был главным и самым мудрым в клане отшельников. Правда альфой себя называть отказывался и другим запрещал. Да и поселение из пятнадцати особей с трудом можно было назвать кланом. Все они жили в большом добротном доме, построенном когда-то тем же Матвеем. Не принял он и дара, что хотел преподнести ему Гордей, когда разрешили ему обосноваться в клане. Все, как один, отшельники отвергали материальные блага. Что ж, к их добровольному выбору стоило отнестись с уважением, и о деньгах Гордей больше не заикался.

Матвей склонился над Гордеем и аккуратно ощупал его бок.

– Сломано два ребра, – прозвучал ровный и сильный голос старейшего. – Пойду, приготовлю компресс. Пару дней придется отлежаться...

И все. Больше он ничего не сказал и не спросил. В этом был весь Матвей – чуждый любопытства и чужих проблем. Настоящий отшельник.

От травяного компресса боль сразу притупилась. В травах Матвей знал толк, ими и лечил своих медведей.

Гордей задремал, и разбудил его приход Лили. Она тихо опустилась на его кровать и спросила:

– Как ты?

– Лучше, – улыбнулся он и только сейчас понял, что проспал до вечера, за окном уже сгустились сумерки.

– Завтра будешь как новенький – Матвей знает в этом толк, – кивнула Лиля, но осталась все такой же серьезной.

– Лиля, – позвал Гордей. – Что тебя тревожит?

Женщина с неохотой оторвалась от созерцания леса за окном и перевела взгляд на него. Теперь на ее лице он отчетливо читал работу мыслей, как и не желание ими делиться.

– Лиля, ты что-то узнала?

Интуиция Гордею подсказывала, что речь пойдет о Рите, если, конечно, Лиля захочет говорить. Молчание продлилось еще какое-то время, но в итоге медведица вздохнула и произнесла:

– Духи показали мне ее. Защита пала и теперь она уязвима. И враг совсем близко, – совсем тихо добавила. – Это еще не все, – вскинула она голову, хоть Гордей и не собирался

перебивать ее. Он размышлял, как ему быть дальше, как оградить Риту от опасности. Голова его оставалась холодной, хоть сердце временами и заходило от страха. – Она опасна! Для тебя... Она не простит тебе того, что ты с ней сделал. И она будет бороться с собой и с тобой! – твердо закончила Лиля и встала с кровати. – Думай, Гордей, так ли тебе это надо.

Лиля ушла, так и не дождавшись от него ответа. Да и что он мог сказать? Что и сам не знает, почему так печется об этой девчонке, которая способна его убить одним заклинанием. Он и сам себя не понимал, разве что каждый раз думая о ней, чувствовал прилив неконтролируемой страсти. Вот и сейчас он захотел ее до боли в паху, стоило только вспомнить ее в ложине.

Уже наступила ночь, когда Гордей понял, что должен делать дальше. Он встал, ощутив легкое покалывание в боку. Резкой боли уже не было, и это радовало. Спасибо Матвею! Покинув свою комнату, Гордей прокрался по дому, в котором уже все спали. На поляне обернулся и углубился в лес.

Сначала он шел медленно, но постепенно поступь медведя становилась все быстрее. Чем ближе становилось село, тем больший страх он испытывал. Интуиция уже даже не предупреждала, а кричала дурным голосом. Что-то случилось! Что-то страшное.

Медведь вылетел из лесу и рванул через поле, не в силах оторвать взгляда от огромного ярко-полыхающего факела на том месте, где еще утром находился дом Риты.

Проспала я до самого вечера, а проснулась какая-то разбитая, больная. И настроение было такое отвратительное, словно сделала что-то плохое. Интересно, как там медведь? Жив ли?.. Если днем я была уверена, что ничего с ним не будет – повалится в отключке и придет в себя, то сейчас сомнения все больше отравляли душу. И испытывала я стыд и раздражение одновременно. В конце концов, не выдержала – решила по-быстрому сбежать на озеро.

Я остановилась возле примятой травы, отчетливо представляя себе медведя, вспоминая его грустный взгляд. Потом зачем-то ступила на то место. И тут же меня окатило волной боли. Слезы выступили на глазах, когда поняла, как же плохо было зверю, как сильно ранила его моя энергия. Имела ли я право так поступать? Нет, конечно же!

– Дурная сила – бесполезная и опасная вещь. Нужны годы, чтобы овладеть ею, направить в правильное русло, научиться сдерживать. У тебя такой возможности нет, потому и надо прятать силушку от посторонних глаз и умов. Не станешь показывать ее – проживешь дольше.

Так говорила бабушка, и ее наветы я отлично помнила, как и старалась им следовать. До последнего времени... Что же случилось? Почему теперь мне кажется, что не я хозяйка над самой собой? И так мне грустно от всего этого стало, что не выдержала, опустилась в траву и заплакала. Сейчас, когда меня никто не видел, я могла себе это позволить.

Я оплакивала все и сразу: свою жестокость; глупость, что поддалась страсти и уступила ночному гостю; расставание с детством, ведь сегодня я потеряла друга; одиночество... Со слезами приходило облегчение и понимание того, что если ты не можешь изменить свою жизнь, то нужно с ней смириться. Только вот об одном я тогда не догадывалась, что мою жизнь уже стремительно меняют и делают это насильно.

Уходила я с озера, когда уже окончательно стемнело. Даже страшновато стало, когда пробиралась сквозь заросли ивы. Что если где-то здесь меня поджидает тот самый медведь? И на этот раз он пришел, чтобы отомстить. От всех этих мыслей я пришла в такой ужас, что к поселку практически бежала. Остановилась только возле яркой вывески магазина, вспомнив, что надо бы поужинать, раз уж пообедать не получилось.

Костик с Диной мило ворковали у окна, когда я вошла внутрь. Завидев меня, друг детства сразу же отодвинулся от моей сменщицы, хоть до этого и склонялся очень близко. Смешно, честное слово. Да не ревную я, глупенький, делай, что хочешь, у меня и своих проблем хватает. Вслух я ничего не сказала, кивнула им и скрылась в зале.

С выбором продуктов я управилась очень быстро, а на кассе меня уже подждал Костик. Видно, Дина решила для разнообразия поработать.

– Как дела? – спросил друг детства.

– Просто замечательно! – улыбнулась ему я, складывая продукты в пакет.

– Пойдем, провожу, – забрал он у меня пакет и двинулся к двери.

– Кость, я и сама доберусь, – догнала я его и попыталась отобрать продукты. – Тут идти-то...

– Через все село, – усмехнулся он. – Я провожу, – повторил таким тоном, что спорить с ним перехотелось. Хочет тащиться рядом, пусть.

Когда магазин остался позади, и нас окружила темнота (с фонарями в поселке была напряженка, уж не знаю почему), Костя вновь заговорил:

– Рит, ты прости меня, за то что вел себя как debil сегодня.

– Я уже и забыла, – махнула я рукой, хоть это и было неправдой. Гаденькое чувство вновь вспыхнуло в душе, стоило мне только увидеть друга.

– Врешь ты все, – мазнул он по мне взглядом, и я подумала, что Костик знает меня гораздо лучше, чем я хочу думать. – Знаешь... это я по привычке. Забыл уже, какие у нас девочки недотроги, – теперь в голосе его слышалась улыбка вперемешку с грустью.

– Там не такие?

– Там все другое.

Развивать эту тему и дальше мне не хотелось. Видно, Костик в этом вопросе был со мной солидарен, потому что до самого моего дома мы шли молча. И лишь у калитки он остановился и повернулся ко мне лицом.

– Знаешь, ты очень изменилась, – вновь заговорил он.

– Просто мы повзрослели и давно не виделись.

– Нет, дело не в этом, – в голосе его прозвучало упрямство и желание что-то доказать мне. В этот момент мне захотелось скрыться в доме и больше никогда не видеть друга детства, как и не говорить с ним. – Ты стала жестче и увереннее в себе. Там, на озере, мне даже в какой-то момент стало страшно.

Ну вот, приехали. Меня боится друг детства. Во что же ты превратилась, Риэтта? От этой мысли на глаза навернулись слезы. Благо было так темно, что заметить их Костя не мог.

– Мне страшно за тебя, Рит, – ошаршил он меня следом так, что даже слезы моментом высохли. – Не могу это описать словами, – тряхнул он головой, напоминая мне того мальчишку, что знала раньше. – Это как... Ну как будто ты отправляешься на войну, и я не знаю, какая участь ждет тебя там, вернешься ли. Я волнуюсь за тебя, – добавил совсем тихо.

Ну вот что на это можно было ответить? Я растерялась и пока подбирала слова Костик произнес:

– Спокойной ночи, Рит. И... береги себя, – он склонился и быстро коснулся моих губ, сунув пакет в руки. А потом ушел.

Я еще какое-то время смотрела в том направлении, где темнота поглотила друга, и размышляла над его словами. Что же он увидел или почувствовал на озере такого, что ему стало страшно? В конечном итоге я пришла к выводу, что глупости все это, и поплелась в дом.

Несмотря на то, что выпалась днем, уже за ужином меня снова начало клонить в сон. Я опасалась, что вчерашняя ночь может повториться и долго читала перед сном, делая это через силу. А потом еще включила телевизор, чтоб не засыпать в тишине и темноте. На этот раз я

усилила защиту дома, но все равно, на нее особо не надеялась. Если он смог проникнуть в дом вчера, то и сегодня моя магия вряд ли станет серьезной помехой. С этой мыслью и уснула.

Какая же душная ночь! Я задыхалась, и тонкая простыня казалась тяжелым прессом, что давит на меня, не позволяя скинуть, заставляя плавиться от жары. И легкие горят так, словно расплавляются в этой духоте с каждым вздохом. А запах!.. От запаха я и проснулась, сильно закашлявшись, чувствуя, что задыхаюсь на самом деле, а не во сне. И виной тому была гарь, что повисла в воздухе черными мерцающими хлопьями. И только тут я заметила, что весь мой дом охвачен огнем. Голубые языки пламени просачивались сквозь стены, лизали пол и потолок. Жарко было как в аду. И весь дом трещал, словно того и гляди обрушится на мою голову.

Медлить было опасно, и я сконцентрировалась, стараясь прогнать панику, что подступала к горлу и тоже перехватывала дыхание. Вода заструилась из моих пальцев, стекая на пол водападами, что становились все больше. Через несколько секунд водные потоки устремились к стенам дома, вздымая вверх, преграждая путь пламени. Но почти сразу же я в ужасе наблюдала, как вода шипит и испаряется, а огонь все ближе подбирается ко мне. Я попыталась потушить его ветром, создав вокруг завихрение, но сделала только хуже – пламя вспыхнуло еще ярче. Заморозить его тоже не получилось. Странный заколдованный (теперь я в этом не сомневалась) огонь приближался ко мне со всех сторон, делая пятачок, на котором я и стояла, все меньше.

Когда первые языки лизнули мои ноги, поджигая края сорочки, я закричала от всепоглощающей боли, с ужасом осознавая, что пришла моя смерть, что сейчас я сгорю заживо. И тут произошло что-то еще более невероятное – ко мне метнулся человек. Он тоже горел весь, но это не мешало ему схватить меня, обжигая и заставляя кричать еще громче, и вынести на улицу. Отбежав со мной на руках от тут же рухнувшего дома, он бросил меня на землю, и я почувствовала, как земля поглощает пламя, а тело мое окутывает холод, замораживая ожоги. Последней мыслью, что мелькнула в ускользающем сознании, была, что с этого момента, если выживу, жизнь моя изменится коренным образом.

Глава 8

Птичий щебет врывался в распахнутую дверь вместе с легким ветерком. Пахло соломой и грибами. Деревья уютно шелестели, но где-то там, в вышине. Со своего ложа я видела только их толстенные стволы через все ту же распахнутую дверь и понимала, что нахожусь в лесу и мне ужасно плохо. Болело все тело. Малейшее движение сопровождалось нетерпимым жжением. Я даже дышать старалась медленно и аккуратно. И началось все в тот момент, когда я очнулась. До этого забвение давало мне отличную защиту от боли и разнообразия мыслей и воспоминаний, что крутились в голове.

Где я и как здесь оказалась? Эти вопросы казались мне главными. А из глаз безостановочно текли слезы. Горевала я по сгоревшему дому и утраченной жизни. Именно в этом доме прошла вся моя жизнь, и я собственными глазами видела, как почерневшие от огня стены обрушились, хороня под собой все мои воспоминания. И как же жутко у меня все болело! Уж лучше бы я умерла!

Преодолеваю боль, я повернула голову и осмотрелась. Теперь мне было понятно, что нахожусь в большом сарае. Чего тут только не было, от заготовок сена до разного садового инвентаря. Мне же выделили угол и топчан, на котором я и лежала. Кто и зачем? И почему этот сарай находится в лесу?

Поток мыслей прервало появление мужчины. Высокий, мощный – он перегородил весь проем и какое-то время не двигался, рассматривая меня. Я же его лицо видела плохо, но кого-то он мне сильно напоминал уже тем, как стоял и держал голову. Вот только кого?

Он еще не успел преодолеть то небольшое расстояние, что отделяло топчан от двери, как я узнала в нем того самого «колдуна», которого так боялась Маша. То ли боль мешала соображать нормально, то ли я резко поглупела, но не понимала ровным счетом ничего. Что он тут делает? И кто вообще он такой?!

– Сильно болит? – навис он надо мной грозной тенью, пугая своим видом.

Но испуг сразу же сменился другим чувством, от которого я невольно задрожала. Этот голос!.. Я его отчетливо помнила. Сразу же всплыли и другие воспоминания, наполненные страстью, которые я старательно гнала от себя, пытаясь похоронить на дне памяти. Это он! Тот, кто проник в мой дом ночью и заставил меня сгорать от желания.

– Кто вы? – с трудом разлепила я спекшиеся губы, чувствуя, как все сильнее во мне разгорается ненависть. И одновременно с этим понимая, что он опять блокировал мою силу.

– Это все, что тебя интересует? – усмехнулся мужчина, и голос его прозвучал холодно, даже отстраненно. Не так он говорил той ночью.

– Зачем вы так со мной?.. – слезы снова заструились из моих глаз, хоть меньше всего мне хотелось перед ним плакать.

Объяснять, что имела в виду, не пришлось – он и без слов все понял.

– Ради твоего же блага, – немного смягчился его голос. – Сейчас ты можешь с легкостью навредить себе.

– Вам-то откуда знать?! – вскипела я и невольно дернулась. Боль такой силы прострелила тело, что стон сорвался с моих губ. Аж в глазах потемнело, и из последних сил я удержала готовое было ускользнуть сознание.

– Знаю. Сейчас нужно залечить твои телесные раны. Магический огонь едва не сжег тебя.

– Магический? – наполовину простонала, наполовину переспросила я.

Вот почему он мне показался неестественным! Огонь не бывает голубым. И именно по этой причине я не смогла его потушить.

– Именно! – кивнул он. – Сейчас принесу микстуру. Она притупит боль...

– Не нужно, – перебила его я. – Мне нужно солнце.

– *Светило... Оно лечит любые раны туманной ведьмы. Даже смертельные.*
– *Как это смертельные, бабушка? Мы что же – бессмертны.*
– *Нет, Ризтта. Жизнь у нас так же скоротечна, как и у любого человека. Но если помощь подоспеет вовремя, то со смертью можно побороться...*

– Вынесите меня под солнце, – из последних сил простонала я, видя его нерешительность.
– Ты не выдержишь боли.
– Плевать! – разозлилась я и даже почувствовала прилив сил. – Солнце мне поможет.
Спорить он не стал. А вот стоило ему только прикоснуться ко мне, как сознание мое унеслось в заоблачные дали. Оставалось надеяться, что я все еще жива.

В следующий раз я очнулась и поняла, что нахожусь на поляне, лежу на покрывале, а сверху светит яркое солнце. Невольно потянулась – эта привычка выработалась у меня годами. И только потом поняла, что боль исчезла, а вот движения что-то сковывает. Оглядев свое тело, догадалась, что виной тому повязки, что были практически везде. И в них уже не было необходимости, в этом я тоже не сомневалась.

Первым делом я освободилась от повязок, разглядывая следы от ран, что затягивались прямо на глазах. Разве что кожа в этих местах все еще розовела. Но и это пройдет быстро, я знала, солнце было самым лучшим моим лекарем. Стояла бы сейчас зима, пришлось бы мне туго.

Какое-то время я еще нежилась под теплыми лучами, подставляя им все тело, пока окончательно не пришла в себя. И только тут я сообразила, что сегодня моя смена, и судя по положению светила на небосводе, совсем скоро она начнется.

Мешкать и дальше не следовало. Из одежды на мне не было ровным счетом ничего, и я обмоталась покрывалом, на котором до этого и лежала. А вот потом крепко задумалась. Мой дом сгорел, и все мои вещи превратились в прах. У меня не осталось ровным счетом ничего, кроме меня самой. Мысли эти сразу же вызвали злые слезы на глазах. Не имущества я жалела, а того пристанища, каким был много лет дом, в котором умерла бабушка, и который хранил столько дорогих сердцу воспоминаний. По чьей-то милости я лишилась всего в одночасье.

Как быть дальше? Можно попросить приюта у тети Даши – матери Костика. Она не откажет, в этом я не сомневалась. Но придется как-то объяснить все то, что происходит в моей жизни в последнее время. И чем больше я думала, тем сильнее склонялась к мысли, что другого выхода у меня нет.

Подоткнув покрывало как следует, я двинулась через лес, лишь примерно догадываясь, в каком направлении находится поселок. Риск заблудиться в лесу был очень велик, но и оставаться здесь я больше не могла.

Не успела я сделать и пары шагов, как путь преградил медведь – тот самый, что встречался мне уже не раз. Он просто стоял, ничего не предпринимая. Агрессии со стороны зверя я тоже не замечала. Но отчего-то мне казалось, что захоти я обойти медведя, чтоб и дальше следовать выбранным путем, он не позволит этого сделать.

– Пожалуйста, пропусти, – попросила я, чувствуя себя все более странно. Разговаривать со зверем – это нечто.

Медведь приглушенно зарычал и мотнул головой, не оставляя сомнений, что отлично понял меня.

– Мне нужно на работу, – это уже получилось выговорить жалостливо, отчего я разозлилась еще сильнее. Была бы такая возможность, не отделался бы зверь сейчас легким параличом!

Тратить и дальше время на пустые разговоры не собиралась. Решительно шагнула вперед, трезво рассудив, что если зверь не разорвал меня раньше, то и сейчас этого делать не станет.

Только вот и на этот раз не получилось сделать больше двух шагов. Медведь приблизился ко мне вплотную и боднул головой, подталкивая назад. Боднул ощутимо так, что я не устояла на ногах и повалилась на землю.

– Придурок!.. – ругалась я, барахтаясь в длинном покрывале в попытке встать на ноги.

Помощь пришла неожиданно – я увидела человеческую руку, что явно предлагала ухватиться за нее как за спасительную соломинку. И почему-то я не удивилась даже, подняв глаза на хозяина руки. Им оказался не кто иной, как «колдун» и мой ночной соблазнитель. А вот медведь исчез, и то, что раньше было только смутной догадкой, теперь прорисовалось в голове отчетливо.

– Вы оборотень?

Вопрос даже мне самой показался настолько диким, что захотелось истерично рассмеяться. Вот уж не думала, что когда-нибудь у кого-нибудь спрошу что-то подобное.

– Перевертыш, если быть точным, – раздался его низкий голос сверху, пока я продолжала сидеть на земле и размышлять. – Гордей, – вновь в поле зрения появилась его рука, которую я снова проигнорировала. Тогда он подхватил меня подмышки и поставил на ноги. – Далеко собралась? – прищурил он свои серые глаза и пытливо посмотрел на меня.

– В поселок, – вскинула я подбородок, потому как мужик этот был гораздо выше меня – просто гигант какой-то. Голый по пояс, в кожаных штанах, он источал такую силу, что я снова невольно вспомнила ту ночь, испытывая совершенно неуместное томление во всем теле. К тому же еще и руки его все продолжали лежать на моих плечах, пока я не стряхнула их и не попятилась слегка. Находиться так близко от него становилось трудно.

– Тебе туда нельзя. Ни сейчас, ни потом. Только тут ты в относительной безопасности.

– Но!..

– Никаких «но»! Пойдем, – с этими словами он схватил меня за руку и потащил за собой в противоположном направлении. Держал так крепко, что вырваться не было никакой возможности. Я же всю дорогу буравила злым взглядом землю (как только не вспахала ее), не понимая, что вообще творится в моей душе.

Мы вышли на поляну, где стоял большой срубный дом. Он мне показался симпатичным и добротным, несмотря на то что выглядел старым – построенным уже очень давно. Но в дом меня этот, как его, Гордей, кажется, не повел. Вместо этого, продолжая все так же тащить меня за руку, он обогнул дом, за которым и располагался тот самый сарай, в котором я очнулась в первый раз, как поняла чуть позже. И только внутри сарая мою руку оставили в покое.

Больше всего мне хотелось броситься наутек, пока Гордей отвлекся и что-то перебирал в огромном сундуке. Но благоразумие подсказывало, что нагонит он меня в два счета, да и вести себя так глупо. В конце концов, он что-то хочет мне сказать. И я должна его выслушать, ведь он, как никак, спас меня от верной смерти.

– Вот. Все, что нашел, – кинул он на топчан, где я и сидела, не сводя с него глаз, какие-то тряпки. – Но это лучше, чем ходить в покрывале.

– Отвернитесь! – потребовала я, и тут же лицо залило жаром, стоило вспомнить ту ночь. Его же губ коснулась косая ухмылка, но просьбу мою он выполнил.

Пока натягивала на себя какие-то штаны, что были больше размера на четыре, благо хоть с тесемками на поясе, и рубаху, которая так и норовила соскользнуть с плеч, он стоял ко мне спиной и не шевелился. И лишь когда я буркнула «Все», подкатил к топчану пенек и уселся на него, не переставая пристально меня разглядывать. От его глаз хотелось спрятаться. О том, как, должно быть, выгляжу, я и вовсе старалась не думать. Понравиться ему точно не желала, а вот поквитаться за ту ночь планировала. Пусть только ко мне вернется сила... и тогда посмотрим кто-кого.

– Голодная? – неожиданно спросил он.

Об этом я как-то не задумывалась, но теперь поняла, что неплохо было бы что-то закинуть в рот, да и промочить горло. А потому кивнула.

– Не вздумай уйти, – предупредил он на выходе. – Все равно поймаю, – это уже сказал с дежурной ухмылкой.

Была такая мысль, честно признаюсь, но после его слов я ее отбросила, сразу же поверив. Такой догонит, еще и мало не покажется. Я даже сама не понимала, чего опасаясь, но мужчина этот внушал неясный страх.

Вернулся Гордей быстро с тарелкой, полной бутербродов и термосом.

– Ешь! – велел он. – А потом поговорим.

Я старалась не смотреть на него, пока уплетала бутерброды и запивала душистым чаем. Виду не подавала, каким вкусным мне все кажется. Он же без зазрения совести продолжал рассматривать меня, как музейный экспонат. И это бесило сверх всякой меры!

Заговорил он, когда я сыто откинулась на стену сарая, и выглядел при этом как строгий экзаменатор.

– Как думаешь? Что с тобой произошло?

Глава 9

– Я жду, – вновь раздался голос Гордея, но я упорно продолжала рассматривать стену и считать пятнышки и выбоины на бревнах, лишь бы не видеть его лица. Не хотела на него смотреть, и его приказной тон меня изрядно бесил.

– А вы привыкли командовать, да? – все же буркнула, не в силах выдержать его буравящий взгляд, от которого у меня все начинало чесаться.

– От этой привычки трудно избавиться, – усмехнулся он.

– Ну а я не обязана слушаться вас! – бросила я на него мимолетный взгляд и поняла, что он забавляется.

– Не дерзи, отшлепаю.

Я обалдело посмотрела на него и поняла, что это не пустая угроза. Такой, как он, действительно может отшлепать, за ним не заржавеет.

– Так что, Рита, поговорим?

На это я лишь понуро кивнула, хоть настроение мое и без того безрадостное стремительно катилось под гору.

– Что случилось сегодня ночью?

– Я не знаю... Кто-то поджег дом, и я не смогла его потушить.

Он сосредоточенно кивнул.

– Есть мысли, кто бы это мог быть?

– Понятия не имею, – пожала я плечами. Сама я размышляла над этим вопросом с того самого момента, как пришла в себя, но ответа не находила.

– Расскажи о себе. Кто ты, откуда у тебя эти способности?..

– Которые вы у меня отняли, – огрызнулась я, чувствуя новый прилив злости.

– Это для твоего же блага, повторяю. Одних способностей мало, ими еще нужно уметь пользоваться.

– Да кто вы такой, чтобы решать, что для меня лучше, а что хуже?! – не выдержала я и тоже вперила в него взглядом. Игра в гляделки продолжалась не долго, и первой сдалась я. Не смогла вынести того, как он на меня смотрит. Снисходительно-насмешливо с толикой презрения.

– Я тот, кто спас тебя от смерти, вообще-то, – спокойно ответил он. – И в отличие от тебя, я хочу во всем разобраться.

– А я не хочу! – с меня хватит. Слушать его бредни надоело. Я даже не понимала, на кого сейчас злюсь сильнее: на него, за то что устроил этот допрос, или на себя, чувствуя собственную беспомощность и никчемность – особенно сейчас, когда у меня не было защиты, к которой настолько привыкла за всю жизнь, что не могла уже без нее обходиться.

Я встала и гордо направилась к двери. Но стоило мне только поравняться с Гордеем, как не поняла, что и произошло, только в следующий момент я оказалась у него на коленях, попой кверху.

– Отпустите! – крикнула я и задергалась всем телом. Но не тут-то было – он так крепко прижимал меня рукой, что все мои попытки вырваться оказались тщетными.

А когда его вторая рука опустилась на мои ягодицы и принялась их легонько массировать, то я и вовсе впала в ступор, чувствуя, как по телу разливается огонь, а низ живота становится неестественно тяжелым.

– Я предупреждал, девочка, – голос Гордея стал еще более низким, и в нем проскользнула хрипотца. – За неповиновение положено наказание.

Я не успела хоть как-то отреагировать на его слова или сообразить хоть что-то, как он просунул руку под меня, потянул за тесемку штанов, а потом резко стащил их с меня. Пол-

ностью!.. Задохнувшись от ужаса, я поняла, что теперь лежу на его коленях обнаженная по пояс. Кровь прилила к лицу, а на глазах выступили слезы. Его ладонь проскользила по спине, ослабляя хватку и задирая рубаху до самой шеи. Но к тому моменту я уже не могла пошевелиться, находясь во власти странного томления, каждой клеточкой отзываясь на каждое его прикосновение. Сил только и хватило, чтобы попросить срывающимся голосом:

– Прошу вас, отпустите...

– Не раньше, чем налюбуюсь твоим совершенным телом.

Рука его вновь скользнула вниз, сжала ягодицы, коснулась промежности. Я с ужасом поняла, что готова позволить ему касаться меня там, что жажду этого, а плоть моя уже сочиться в ожидании ласки. Тело мое уже пылало все, а животом я ощущала, как растет и твердеет его плоть.

– Такая юная и страстная, – пробормотал он и проник в меня пальцем, заставляя вздрогнуть всем телом. – Как же я хочу тебя! – то ли простонал, то ли прорычал он, резко поднимая меня и сажая на колени лицом к себе.

Я уже вообще плохо что соображала. Одна мысль билась в голове, как сильно я ненавижу его, за то что творит со мной такие вещи. И себя я ненавидела тоже, за то что позволяю ему это и желаю большего. А когда его губы приникли к моим, а язык проник в рот, то и вовсе последние разумные мысли вылетели из моей головы, оставив одну – я хочу повторения той ночи!

Но поцелуй оборвался довольно быстро. Гордей ссадил меня с колен на топчан и велел:

– Оденься.

Еле смогла натянуть на себя штаны и завязать тесемки, до такой степени дрожали руки, да и все тело. И голова была все еще во власти возбуждающего тумана. Ни о каком бегстве я уже не думала, забилась в угол и уткнулась лицом в колени. А в мозгу продолжала пульсировать мысль: «Ненавижу, ненавижу, ненавижу...»

– Продолжим разговор, – как ни в чем не бывало произнес Гордей. – Расскажи о себе.

Я задумалась. На этот раз постаралась размышлять отстраненно, включив холодную голову, вернее, пытаюсь остудить раскаленную. Наветы бабушки я помнила все и отлично. И одним из таких был, что происхождение свое, как и историю я должна держать в строжайшей тайне от всех. Но я уже столько правил нарушила, навлекая тем самым на свою голову неприятности, что одной больше одной меньше. Кроме того, именно в этот момент я ощутила жгучую потребность поделиться хоть с кем-то. И пусть Гордей меньше всех по моему мнению подходил на роль исповедника, но так уж случилось, что именно с ним меня свела судьба, и отчасти он тоже был повинен в том, что сила моя выбилась из-под контроля. Да и не чувствовала я угрозы от него. Той, что угрожала бы моей жизни... Как бы там ни было, я начала свой рассказ. Он слушал, не перебивая, пока я не закончила.

– Думаю, знаю, кто за тобой охотится, – проговорил Гордей, когда я закончила и пристально на него смотрела, ожидая реакции.

– И кто же?

– Тот инквизитор, которого убили выжившие ведьмы.

– Но он же мертв давным-давно!

И тогда он мне рассказал странную теорию о возрождении проклятого духа, наделенного видоизмененными способностями туманных ведьм. Все это с трудом укладывалось в голове, да и верилось в это тоже плохо. Но магический огонь мне не привиделся. Да и если верить Гордею, то он чувствовал приближение опасности.

– Я должна остановить его.

Гордей бросил на меня насмешливый взгляд.

– Ты? Ты пока беспомощна. В отличие от тебя, он хорошо знает, как именно пользоваться силой.

На этот раз я отогнала обиду, хоть слова его и задели меня.

– И что вы предлагаете?

– Сколько осталось в живых туманных ведьм? – проигнорировал он мой вопрос.

– Тогда спаслось девять ведьм...

– Нет. Сколько сейчас живых?..

– Не знаю. Мы с бабушкой ни с кем не общались.

– Ладно, с этим мне должна помочь Лиля, – пробормотал он самому себе, я же пока решила не выяснять, кто такая Лиля, чтоб не засорять голову лишней информацией. Она и так слегка распухла от всего, что случилось в последнее время. – Сегодня отдыхай и набирайся сил. А завтра начнем тренироваться.

– В каком смысле? – что еще он хочет заставить меня делать.

– В прямом. Ты должна научиться управлять своими способностями, а не идти у них на поводу. И еще, – Гордей встал, отошел в сторону, а вернулся с блокнотом и ручкой. – Напиши список необходимых вещей. Куплю сегодня...

– У меня нет денег, – совсем загрустила я. А в магазине через пару дней зарплата, но и ее я не могу получить. Кажется, я только сейчас до конца осознала, в какой опасности нахожусь.

– Об этом не думай. Пиши, я жду, – добавил через секунду с нетерпением в голосе.

Я поняла, что задерживаю его. Ну конечно, в отличие от меня, у него, наверное, куча всяких дел. Это в моей жизни образовался временный вакуум, а не в его. От всех этих мыслей становилось только грустнее, и я решительно взялась за ручку. Список, так список. Хотя это я могла сделать и быстро. Из вещей мне много не требовалось, лишь самое необходимое и на первое время. А потом разберусь. Вряд ли задержусь тут надолго. И еще именно в этот момент я отчетливо поняла, что в поселке мне больше не жить. Вот и настало время, когда нужно уезжать. Когда, куда, пока я и понятия не имела, но очень надеялась, что скоро и это пойму.

Через пять минут список был готов. Все это время Гордей стоял спиной ко мне и рассматривал лес, за что я ему была благодарна. Писать под его пристальным наблюдением было бы сложно.

– Не густо, – усмехнулся он, вырвав лист из блокнота и пробежав написанное глазами. – Как Дюймовочка прям – выгодная жена, – еще больше развеселился он, а я отчего-то покраснела. Дурацкая привычка краснеть по поводу и без! – Ладно, на месте сориентируюсь... Могу ли я полагаться на твое благоразумие? – спросил Гордей, снова поворачиваясь ко мне, когда уже собирался выйти.

Я поняла, о чем он – не сбегу ли. Нет. Теперь я этого точно не планировала, а потому лишь коротко кивнула.

– Умница! – без тени улыбки похвалил он и вышел из сарая.

Я смотрела на удаляющуюся фигуру, видела как на ходу он обернулся медведем и, переваливаясь, побежал в лес, и грустила все сильнее. Ни дома, ни семьи, ничего. Даже друзей у меня нет – единственного, и того потеряла. Сажу в каком-то сарае, в лесной глуши и понятия не имею, что будет дальше. Слезы навернулись на глаза, на этот раз, от жалости к себе. Сейчас, когда никто не мог меня видеть, я могла себе это позволить. Только вот, плакалось как-то недолго и очень хотелось верить в светлое будущее.

– Отчаяние губит душу. А светлые мысли о будущем не дают нам стареть. Нельзя жить одними мечтами, но и на сегодняшнем дне никогда не замыкайся, особенно если день этот кажется тебе пасмурным.

Я решительно смахнула остатки слез, вдохнула полной грудью и задумалась, чем тут можно заняться. Спать не хотелось. Гулять по лесу одной было боязно, да и я обещала смирно сидеть на попе... Не придумав ничего лучше, я встала, потянулась и приблизилась к двери,

любуюсь нестройными рядами деревьев, убегающих вглубь леса. Мне всегда нравилась смесь запахов хвои, прелой листвы, а еще каких-то цветов, ягод, грибов... Все это создавало особенный букет ароматов, присущих только лесу. Но что с бабушкой, что одна я позволяла себе разве что прогуляться вблизи поляны, да и то недолго.

– Ты не можешь знать, какая опасность подстерегает тебя в темной глуши, куда редко забирается человек, и где зверь считает себя полноправным хозяином. Разум зверя нам неведом. О коварстве его мы ничего не знаем, как и о силе. Держись от них подальше.

Кажется, с коварством одного из таких я умудрилась познакомиться на собственной шкуре. Плавны мысли мои, убаюканные лесной прохладой и шелестом листвы, перетекли на Гордея. Что ему от меня надо? Какие интересы он преследует? И так ли бескорытна помощь, что он предлагает? Могу ли я доверять ему? Вопросы, вопросы и ни единого ответа. И если решусь спросить его в лоб, то тоже вряд ли скажет правду.

Почему каждый раз, когда я думаю о нем, тело мое становится будто и вовсе не моим? Вот и сейчас по нему медленно разливается томительная слабость, словно Гордей рядом и касается меня. Его горячие, немного шершавые ладони скользят по моей обнаженной спине, рождая стаю мурашек, дыхание охлаждает разгоряченные щеки, а губы медленно приближаются к моим, чтобы накрыть их глубоким поцелуем... Это невыносимо! Я даже шлепнула себя по щеке, когда поняла, что стою с закрытыми глазами, подставляя лицо ветерку, а на губах моих блуждает легкая улыбка. Так не должно быть! Нельзя хотеть прикосновений того, кому не доверяешь и даже ненавидишь. Это похоже на наваждение, вызванное колдовством. И я должна бороться со своими желаниями.

Чтобы хоть на что-то отвлечься, я принялась рассматривать дом, что стоял чуть сбоку от сарая. Интересно, кто в нем живет? Вряд ли обычные люди. Любопытство, разыгрываясь все сильнее, заставило меня выйти из сарая и приблизиться к распахнутому окну в доме. Когда до меня донеслись чьи-то голоса, то первой мыслью была уйти, но потом я расслышала то, что меня заинтересовало, и решила еще немного постоять под окном.

– Ему я дал кров, потому как такой же он, как мы. А она чужая и опасная. Чую беду, следующую за ней по пятам.

Это говорил мужчина, и я сразу поняла, что речь идет обо мне. И хоть голос его звучал ровно, но недовольные нотки в нем явно проскальзывали. А кто такой «он», про которого речь шла вначале? Если Гордей, то получается, что он тоже пришлый? Я поставила себе в голове галочку, чтобы расспросить медведя поподробнее на досуге.

– Не гоже держать гостью в сарае, – вторил мужчине женский голос, и тут я окончательно убедилась, что говорят обо мне.

– Так велела Лиля, а ее слову я верю.

Так, уже второй раз при мне упоминают какую-то Лилю. Походу, она тут главная или что-то типа того. И об этом мне тоже нужно выведать у Гордея.

– Ну хоть столотаться-то в доме могу я ей предложить?

– Уймись, Маруся, не бухти, – добродушно ответил ей мужчина, и я поняла, что их связывают родственные чувства. Муж и жена, может. – Не будем привечать ее пока, понаблюдаем...

– Не по-человечьи это как-то, Матвеюшка, – вздохнула женщина.

– Так и мы не люди, – хохотнул мужчина.

Подслушивать и дальше я не стала. И дело это постыдное, да и того, что узнала, пока с меня было достаточно. Возвращаясь в сарай, я размышляла. Мне тут не рады. Живут в доме не люди, а скорее всего, такие же перевертыши (сколько же их в лесах наших?!), что и Гордей. И за мной установлено пристальное наблюдение. Когда это жизнь моя из незаметной и даже скрытной стала настолько прозрачной для кого-то?

День медленно клонился к вечеру, а Гордей все не возвращался. Не то чтобы я соскучилась по нему, но сидеть одной в сарае уже становилось невыносимо. И выйти я боялась, особенно когда ближе к вечеру из леса стало периодически доноситься рычание, а к дому подтягиваться медведи. Я подсматривала за ними через щель в досках сарая и понимала, что для меня они все равно звери, хоть и перевертыши. Не хотела бы я встретиться с одним из них на узенькой лесной тропинке. И слава богу, пока еще ни один из них не наведлся в сарай, что тоже временно, как я могла догадываться.

Когда окончательно стемнело, мне стало так страшно, что я плотно закрыла дверь в сарай, забралась на топчан и накрылась с головой одеялом. Мог бы и свечу оставить. Я уж молчу про то, что ела я сегодня один раз. Понятно, что они не обязаны меня кормить, но раз уж я тут... Ай, да ладно! Допила чай и съела засохший бутерброд, и на том спасибо. Завтра мне нужно будет позаботиться о том, чтобы самой себе как-то добывать пищу. В конце концов, этот Матвей прав – я для них чужая, и они мне ничем не обязаны.

Глава 10

Поездка в город и поход по магазинам заняли больше времени, чем он планировал. Но в поселке со снабжением дело обстояло совсем неважно. Тут и магазинов-то нормальных не было, а уж фирменных и подавно. А для Риты ему хотелось всего самого лучшего, брендового. Гордей и сам не понимал, почему в своих мечтах представлял эту девчонку, одетую как королеву. Ведь и не видел ее такой никогда. Все время в джинсах и майках, реже в простеньких платьицах... Вот и в списке ее опять же было все то же, но даже в лесу он хотел видеть ее не просто красиво одетой, а шикарной. Хорошо, пусть это будут джинсы, но фирменные, да и все остальное тоже. Тем более, что возможность у него такая была, так почему бы не побаловать.

Из головы не шла ночная сцена, когда он принес израненную и едва дышащую девушку в клан. Лиля преградила ему путь, стоило только переступить порог дома.

– Ей нужна помощь, – попытался обойти он медведицу, бережно прижимая к себе Риту и радуясь, что та находится без сознания, а не страдает от ужасающей боли. Простые ожоги доставляли мучения, а уж магические и подавно. И обгорела она так, как только выжила вообще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.